

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ЭХО
ВРЕМЕНИ

Валерий Гуров

Эхо времени

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гуров В.

Эхо времени / В. Гуров — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Времена седой древности, занесенные песками Сахары, – времена великих фараонов - чародеев Хуфу и Хафра, чьи души запечатаны в камнях Великих пирамид. Много легенд о тех временах растворилось во тьме веков. Но призрачный, неверный отсвет от сполохов зарождавшейся цивилизации, выплеснутой иссыхающей Северной Африкой на берега Нила, нет-нет, да и проникает и в наше время. Много спорного в этой книге о том времени, представленном переживаниями души всего одного героя. Но все великие перемены рождаются в обыденных терзаниях и переживаниях душ человеческих и отзываются теперь эхом того времени.

© Гуров В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Гуров

ЭХО ВРЕМЕНИ

*Этот мир лишь тень другого,
Эти чувства отгорели и ушли,
Эти мысли вцуплены оттуда,
В этих строках явь приобрели.*

Глава первая

1

– Сар-р-р-а-а! – Скорчившись и схватившись за лодыжку, вопил Иавал.

– Са-а-р-р-р-а-а!

– Ну, что ты орешь? Что еще случилось? – Взволновано прокричала низкорослая дородная женщина, появляясь из-за кустарников.

– Я, кажется, подвернул ногу. Совсем не могу встать.

С этими словами Иавал вытянул вперед обутую в сандалию грязную ногу, с вьевшимися в крупные икры кожаными ремнями. Чуть заметная припухлость подтверждала слова мужа. Сарра пощупала ногу.

– Ой! – Скорчил гримасу Иавал.

– Да ничего страшного, потерпи. Я попробую отыскать палку, как-нибудь доковыляем до стана.

– Какую палку? Какая палка? Где ты тут видишь палки? Тут ветки порядочной нет, а ты палку. Да и когда мы доковыляем? Смотри, солнце совсем высоко. Да я скорее сдохну по дороге, чем доберусь! Нет, Сарра, не дойду. Иди сама, приведи охламонов, небось, от жары и лени все попрыгались!

– Да скажи им, два дня жрать не будут, если не поспешат! – Крикнул уже вдогонку уходящей Сарре.

Сел. Потер вспухающую стопу, силясь унять боль. Потом отполз в полупрозрачную тень от жухлого куста и растянулся на колкой, жухлой траве.

«И зачем только он поперся в такую даль?» – полезли в голову мысли.

«Ну? А кто еще проверил бы ловушки? Послать этих бездельников, работников? Так, даже если и была бы добыча, то эти вечно голодные паскуды все равно ее б не вернули. Живьем бы сожрали. Вот, если бы Изя был с ним» – мечтательно подумал Иавал.

Но Изя был далеко.

Сколько времени прошло, с тех пор как Изя отправился с братьями и работниками в путь? Пять дней? Нет, пожалуй, уже шесть. А сколько обычно нужно каравану добраться до Черных гор? Дня три-четыре. Да там уходит дня два-три, чтобы добыть руду, да потом, на обратном пути надо зайти за черными камнями. А они хоть и недалеко, но все равно еще несколько дней. Так что, если ничего не случится, то дней через десять караван вернется.

Если? А ведь прошлый раз караван уже шел домой, и на тебе! Эта давняя скотина, этот Исав со своими вырожденками из поганого стана, перехватил караван. Руда ему была не к чему. Всю вывалил и разбросал. А вот скотину, рабов, кайлы железные забрал. Изю избил. Его потом едва живого принесли на себе братья. Долго старый Кун выхаживал, да и Сарра сколько ночей не спала. Но ничего, обошлось. А вот обиду Изя на Исава затаил крепкую. Да только силы то у нас не равны. Смирился пока что. Потом, когда совсем полегчало, ездил с братьями к тому стану, собрал разбросанную руду. Удалось из нее выплавить немного железа. Но мало. Торгаши из Озириса не согласятся поменять это железо на зерно и скот. Вот, если Изя благополучно вернется с караваном, тогда другое дело.

А железо он научился выплавлять хорошее. И равных ему в этом трудном деле далеко вокруг не было. Он и сына обучил. Конечно, ему еще далеко до отцовской хватки, но торгоши Та-уина железо, выплавленное им, охотно меняют. К сожалению, не всегда у него получается. В таких случаях у Иавала прибавляется работы, чтобы превратить полужелезную массу в желез-

ную чушку. И все равно потом железо получается плохим. Из него уже наконечника ни для стрел, ни для копья не выкуешь. Крошится и разлетается под ударами молота. А ведь осколки то очень твердые, да и не ржавеют вовсе. Я ими руду крошу. Руда крошится, а этим осколкам хоть бы что.

– Да, железо я варить умею. – Блажено улынулся Иавал.

Учил его этому мудрому и сложному делу еще дед. А деда, когда он был совсем молодым, учил кто-то неведомый, который пришел издалека, из земель заходящего солнца. Дед у него все допытывался, откуда Чужак так много знает. Чужак вначале махал рукой в сторону захода солнца и отмалчивался. Но потом его как прорвало. Он долго и подробно рассказывал об этой странной земле. Но еще больше о своем исходе оттуда.

2

Племя Чужака, как и многочисленные другие, жило в землях, которые когда то были благодатным местом. Многие реки текли по тем землям с полуденных гор. И все реки впадали в большое-большое озеро. В этих землях их племена возделывали землю, выращивали большие урожаи, пасли стада и ловили рыбу. По ту сторону этого огромного озера простирались бескрайние степи, и почти не было рек. В этих степях жили другие племена. Они не умели возделывать землю, но пасли огромные стада. Разделяло наши племена озеро. И мы почти ничего друг о друге не знали. А вот соседям к восходу солнца на окраине озера они сильно досаждали своими набегами.

Потом настали трудные времена. Песчаные бури с земель полуденного солнца все чаще и чаще проносились над озером и нашими землями. Урожаи гибли, пасти скот становилось все труднее и труднее. Озеро мелело и с другого его берега все чаще и чаще стали появляться свирепые львы, а потом и стада племен, живших на том берегу. Как могли мы от них отбивались. Но они свирепостью превосходили нас, и мы вынуждены были покинуть берега пересыхающего озера и двинуться вдоль мелеющих рек в полуденную сторону, к горам.

Его племя пасло в основном мелкий скот, и было одним из первых, которое стало гонять этот скот в горы. В горах на полуденной стороне горячие ветры тоже высушивали траву, к тому же склоны гор, густо поросшие кустарником, почти не оставляли места для пастбищ. А вот за перевалами на полуденной стороне были прекрасные луга с сочной высокой травой. Туда мы и начали гонять скот. И там люди племени начали встречаться с кем-то, похожими на людей. Но если подойти к ним ближе, от схожести оставалось мало. Эти другие были значительно выше и массивней обычных людей. И выглядели они необычно. Были покрыты странными сияющими одеждами, которые полностью скрывали их тела. Лиц не возможно было различить в переливающемся ярком сиянии, исходившем от них. И плевались они огнем и ослепительным светом. Они были злые. Если кто-нибудь отваживался подойти слишком близко, то они поворачивались, сверкал огонь и храбрец в момент исчезал. И передвигались они как-то странно. Вернее совсем не передвигались. Просто в том месте, где только что стояли, внезапно растворялись, таяли, сияние меркло, тела становились прозрачными и совсем невидимыми. И в то же время в другом, не очень отдаленном месте, появлялась какая-то неуловимая призрачная тень, затем она стремительно приобретала форму, плоть и наливалась светом и сиянием. И вот нечто стоит в другом месте в той же позе и с тем же поворотом, что и на прошлом месте.

Но этих странных людей, которых прозвали Сияющие, было мало. Гораздо больше было других. Эти другие были совсем как люди. Только очень высокие, голубоглазые и светловолосые. Одеты были тоже как то необычно, в легкие светлые покрывала, лишь наполовину скрывающие их красивые стройные тела. Они были несравненно добрее и великодушнее. Они тоже не любили, когда к ним бесцеремонно близко приближались. Но никогда не делали большого зла. Просто останавливали взгляд больших глаз на тебе, пристально смотрели, и ты как заво-

роженный, помимо своей воли останавливался и пятился назад. Между собой высокие люди говорили тоже на совершенно непонятном языке. Но, как ни странно, когда они обращались к нам, мы их прекрасно понимали.

Появлялись они всегда группами в больших ладьях. Эти ладьи сначала плыли по реке той стороны откуда-то издали и затем у подножья гор подходили к берегу, приподнимались и продолжали плыть низко-низко над землей прямо по воздуху. Никаких весел, паруса на них не было. И, тем не менее, они плыли. Плыли, с каким странным тихим стрекотом. Плыли они всегда к горам. У подножья гор ладьи опускались. Люди выходили и шли вверх. Там у них были большие и длинные пещеры, в которых они добывали руду. Руду и пустые камни сбрасывали из пещер вниз. Здесь, внизу, была, пожалуй, самая тяжелая работа по погрузке руды в ладьи. Чтобы поменьше себя утруждать этим малопривлекательным занятием, они быстро сообразили, что наше любопытство может быть хорошо использовано. И все, кто приходил со стадами, с большим удовольствием принимались таскать глыбы руды на борт ладей.

Сияющие почти всегда появлялись после начала работ. Чаще всего они стояли в стороне, как бы наблюдая. Но иногда приближались. В эти моменты Высокие как по команде прекращали работы и спускались к ладьям. Нас они немедленно отправляли на приличное расстояние от ладей, и один из Высоких оставался приглядывать за нами. Когда Сияющий появлялся перед Высоким, они все опускали в почтительности головы, только один из них, по-видимому, старший, после приветствия начинал о чем-то говорить с Сияющим. Звуков их голосов почти не было слышно. Да и говорили они между собой на странном языке, отдаленно напомиравшем суетливое чириканье птиц. Пока старший разговаривал, остальные стояли молча, склонив головы. Разговоры длились недолго. В конце визита Сияющий поднимал руку и двумя перстами как бы благословлял остальных. Сразу после этого сияние вокруг головы становилось ослепительно ярким, и Сияющий исчезал. Наше изгнание заканчивалось, и работа закипала вновь.

После погрузки руды начиналось самое интересное. Так повелось, что за работу Высокие всегда щедро расплачивались. Фруктами, тканями, стеклом, бронзой, медью, железом, и многими-многими нужными предметами. Но давали они всего понемногу. Чтобы заинтересовать Высоких стали пригонять к пещерам скот, предлагая его взамен. Но Высокие наотрез отказывались брать живой скот. Только свежезабитый, да и то без шкур. И вот перед отходом ладей на берегу рек разворачивалось массовое забитие скота и его потрошение. Это действие, начавшееся стихийно, без вмешательства Высоких, которым явно претила массовая резня, быстро переросло в последующем в ритуал жертвоприношения. Среди нас появились даже особые люди, которые могли, и только они одни могли совершать ритуальные действия над животными. Называть их стали Посвященные. Такое название они получили и потому, что с Высокими общались в основном они одни. Многих из Посвященных Высокие знали лично и относились к ним чуть ли не запанибратски, и настолько, что со временем кое-кто из Посвященных побывал на ладьях в тех землях, куда уплывали Высокие. Такая поездка произвела на них потрясающее впечатление. Однако на все расспросы, где они побывали и что видели, неизменно отвечали «В Эдеме, в мечте». Что было их мечтой, нам было не понятно. В конце концов, у большинства мечта сводилась к обилию пищи и отсутствию необходимости ежедневно заниматься изнурительной работой. Да вот еще женщины.

Так потом и порешили, что Эдем и есть то место, в котором всего полно и совершенно не надо трудиться. И этот Эдем находится там, в полуночной стороне, куда уплывали Высокие.

С Посвященными Высокие часто вели беседы, это они почти их всех обучили, как делать разные удивительные вещи. А чтобы знания не забывались, Высокие придумали знаки и обучили Посвященных, как писать эти знаки на тонкой коже, на глиняных табличках, и потом воспроизводить текст по этим знакам.

Со временем скот перестали гонять на жертвоприношение в горы. Высокие сами на маленьких лодках по воздуху привозили свой товар к поселениям. Там, среди шатров во всех поселениях были жертвенники, на которых Посвященные потрошили животных и затем забирались Высокими в обмен на товар.

Это настолько вошло в жизнь, что когда в каком-либо племени случалось несчастье – поля не родили, а скот подыхал, да так, что скота даже для жертвоприношения не было, то в отчаянии приносили в жертву детей своего племени, которые все равно погибали от голода. И когда в первый раз случилось такое, то появились другие. Появились Сияющие. При их внезапном появлении толпа в ужасе оцепенела. Первыми не выдержали женщины, со стенаниями и просьбами, ринувшись к ногам Сияющего. Реакция последовала мгновенная и жесткая. Слепительная вспышка света и первые ряды женщин в мгновение ока были испепелены. Остальные застыли в ужасе. Еще некоторое время стояния и Сияющий вместе с ребенком, принесенным в жертву, растворился в воздухе. Толпа, потоптавшись, тоже стала расходиться с немым унынием по шатрам. Но чудо произошло. В каждом шатре появилась еда, а в некоторых даже мелкий скот. Много ли надо, чтобы чувство безысходности и отчаяния сменилось бурной несдерживаемой радостью. Весть об этом чуде мгновенно разнеслась по всему племени и дальше. И даже гибель десятка женщин была воспринята как мизерная плата за чудо спасения от голодной смерти. Так, или примерно так, родился еще один самый жестокий ритуал приношения детей в жертву. И почти всегда Сияющие помогали. Но люди в своей жадности способны зайти далеко. И когда то там, то тут стали происходить жертвоприношения просто в надежде поживиться, то расправа над Посвященными была жестокая. Все Посвященные, принимавшие участие в таких кровавых ритуалах, просто испепелялись. Эта суровая ответственность, их возможность взывать к Сияющим, их умение производить массу удивительных вещей, грамотность и знания сделали Посвященных особыми людьми в племенах. Отдельной кастой.

Посвященные, в свою очередь охотно привлекали людей племени к своим работам, обучали их. Это они научили отца Чужака варить металл, разбираться в рудах. А от своего отца это искусство познал и Чужак. Он умел делать и многое другое. Но, так как он дела делал с людьми племени, то попытка повторить все в одиночку не всегда удавалась. Так он мог варить совершенно удивительную вещь – стекло. Но всегда им был недоволен. При виде того, что у него получалось, им овладевало желание все разбить, раскрошить. И только немое изумление, и трепет окружающих, который вызывал его изделие, останавливал разрушительные желания.

А другие, которые могли делать эти удивительные и прекрасные вещи, сгинули там, в далеких теперь землях на заходе солнца. Сгинули в те страшные дни, когда померкло солнце.

3

Он выжил. Выжил ли кто еще, он не знал. Ведь кроме его племени, в тех землях были и другие. И их было много.

Он же выжил благодаря тому, что в тот день отец упросил караванщика взять сына в поход за рудой в горы. Руда была в пещерах. Но до них надо было идти узкими горными тропами, через перевалы, несколько дней. Там, с другой стороны вереницы гор, где открывался захватывающий дух вид на широкую зеленую степь, лежащую у подножья гор, и были те самые пещеры. Дальние вершины гор, упиравшиеся в небо, ярко выделялись белизной вершин плавно переходящих сначала в песочно-зеленое окаймление, а затем и в сплошную зеленую массу растительности. Пещеры темными провалами были в изобилии разбросаны то тут, то там, хоть и низко, но на довольно крутых склонах гор, обращенных к степи. Караванщик отправил меня одним из первых к ближайшей пещере, приказав собирать внутри ее все камни, которые найду, и скатывать их вниз по склону. Часть ишаков с торбами под руду он оставил у подножья горы.

У края пещеры руды не было. В глубину пещеры свет проникал плохо, и глазам нужно было время, чтобы пообвыкнуть. Когда руду добывали Высокие, то из пещер лился свет. А сейчас в ней было почти темно. Кайлы для скалывания породы с собой не было. Но пол пещеры был густо усыпан кусками отбитой породы. Он не стал таскать к краю пещеры все подряд. Отец научил его разбираться в камнях, чтобы чуть ли на ощупь отделять рудную породу от пустой. Кропотливо выбирая казавшиеся ему в полумраке нужные глыбы, стал усердно их стаскивать к краю и скатывать вниз. Во время очередной ходки в глубину пещеры ее внезапно осветило ярче дня. Но ненадолго. После яркой вспышки тьма в пещере стала еще более плотной. Испугавшись, побросал камни и поспешил к краю пещеры. Сначала даже и не понял, что вышел из пещеры. Только что был яркий солнечный день, и зеленовато-бурая степь с голубой лентой реки от подножья гор до горизонта простиралась перед ним, залитая солнцем, а теперь какая-то темная клубящаяся мгла, застилая и солнце, и небо, катилась по этой степи к горам, с ужающей стремительностью и свирепостью. От ужаса он на мгновение застыл, силясь понять увиденное. Затем опомнился и бросился вглубь пещеры. Спустя некоторое время тугая волна воздуха догнала его, с оглушительным ревом толкнула в спину. Опрокинув навзничь, понеслась над ним и, ударившись в совсем недалекую стену пещеры, на мгновенье замерла. Голову, тело при этом так сдавило, что потемнело в глазах и остановилось дыхание. Через мгновенье волна воздуха со сводящим с ума воем и свистом потянулась наружу, таща за собой весь мусор пещеры и его тщедушное тельце. В ужасе он судорожно цеплялся за пол, за ускользящие камни, и, раздирая в кровь пальцы, силился остановиться. Воздуха сразу перестало хватать. Он задыхался, глаза лезли из орбит, уши заложило до болезненного звона, внутренности выворачивались наружу. Внезапно все стихло. Пещера враз наполнилась пылью. Он потерял сознание.

Когда очнулся, вокруг было темно. Почти рядом в близком проеме края пещеры яркими точками звезд просвечивало ночное небо. Теплый воздух с едким запахом гари и дыма проникал снаружи внутрь пещеры. Тело ныло. Голова была как чугунная, пальцы рук ныли от саднящей боли. Но он был жив. Эта наполнявшее тело боль, слабость, спекшиеся от жажды губы, все говорило о том, что он жив и еще поборется за право оставаться в этом внезапно ставшем для него чужом и враждебном мире. Превозмогая боль и слабость, шатаясь, встал и, цепляясь за стенку, подошел к краю пещеры. Внизу, у подножья пугала своей чернотой земля. Под светом звезд от нее поднимались смутно угадываемые струи дыма. Местами, то тут, то там вспыхивали красноватые колеблющиеся огоньки пламени, мерцали искорки. Но больше всего поразило неестественное ровное голубое сияние, исходившее со стороны степи. Сияние простиралось по всей линии горизонта, оно было ровным, прозрачным, безжизненным, пугающим. И всю эту картину дополнял бурлящий грохот огромной массы воды, несущейся с гор по руслу некогда спокойной речки и в темноте ночи широко разливающейся по степи ровной чернотой, гасящей далекие сполохи степного огня. Грохот бурлящей внизу воды вызвал не только страх, но и разбудил желание пить. Но вокруг под ногами слоем лежала пыль, внутри пещеры ничего разглядеть было невозможно. С трудом опустился на пол, прислонившись к стене. От пережитого и боли голова пошла кругом.

Проснулся или пришел в себя, когда косые лучи солнца высветли соседнюю скалу и отблески от нее осветили свод пещеры. Некоторое время не мог понять, где он и что с ним. Потом вспомнил. Взглянул на степь и ужаснулся. Степь, вчера еще наполненная жизнью, зеленью кустарников и золотистой сушью переспелой травы, сейчас до горизонта простиралась залитая грязно-коричневой мутной водой. Река исчезла. Внизу бескрайним потоком катилась масса грязной воды, но уже без того грохота и шума, который был ночью.

Подполз к краю пещеры и выглянул наружу. До воды было не так уж и далеко. Ишаки сгнули. Слева бесконечной чередой поднималась цепь гор, вчера еще сиявшая видом темной зелени на ее склонах и белизной снегов на вершинах, сегодня же безжизненной темно-коричневой громадой гор вздымалась, подпирая небо. Там вдали было видно, как изо всех ущелий

и расселин вытекали потоки воды, блестящие в лучах восходящего солнца светлыми дрожащими ленточками. Они то и пополняли этот, несущийся вниз поток.

От этого вида бескрайне разливающейся воды и горьковато-едкого запаха дыма, все еще стоявшего в пещере, пересохло во рту. Вспомнил о котомке. Он ее вчера заботливо укрыл от лучей палящего солнца внутри пещеры, за камни. Поднялся, пошел к тому месту, где оставил котомку. Каждый шаг давался с трудом. К тому же при каждом шаге поднималась и висела в воздухе мелкая горькая пыль. Екнуло сердце, а что если котомку вчера стянуло наружу, вниз? От этой мысли даже вспотела спина. Но судьба оказалась хоть в этом милостивой. Котомка, заваленная мелкими камнями и пылью, находилась почти там, где он ее вчера оставил. Напряжение отчаянья сменилось облегчением, почти радостью. Непослушными, саднящими пальцами, стал лихорадочно пытаться развязать котомку, чтобы вытащить из нее бурдючок с водой. После долгих усилий удалось справиться с задачей и достать желанный тугой бурдючок. Почти бессознательно припал к нему, делая большие жадные глотки теплой воды. И только, когда он заметно полегчал, опомнился, вспомнив о простирившейся за спиной залитой водой степи и о необходимости как-то выбираться из этого ада. С тоской заглянул в котомку. Вчера она казалась такой большой и тяжелой, и так тяжело ее было тащить вверх, в пещеру. А теперь словно сжалась, уменьшилась до отчаяния. Грустно перебрав небогатую провизию, решился перекусить куском вяленого мяса. Привычно рука потянулась к ножнам на поясе и застыла. Пояса с великолепным и тщательно отделанным им с большим трудом ножом, на нем не было.

Вскочил на ноги и принялся обшаривать пол пещеры. Пещера была большой, к тому же сбоку штольной уходила куда-то в таинственную глубь горы. В эту штольню он ни разу не заглядывал, поэтому зона поиска ограничивалась самой пещерой. Но все равно искать пояс было невероятно трудно, так как при каждом шаге поднималось целое облачко мелкой пыли с горьким едким запахом гари. И откуда только она в таком количестве взялась в пещере, в которой еще вчера ее вовсе не было?

Долгие поиски ничего не дали. Пояса не было. Видимо вчера, когда его тащило по полу наружу, пояс оторвался, и его вынесло из пещеры, как и кучу мелких камней. С упавшим сердцем и ощущением, близким к полному отчаянию, достал кусок мяса и грязными от пыли руками, преодолевая боль от израненных пальцев, принялся рвать кусок на части, силясь оторвать от него часть, которую можно было бы съесть сейчас. С трудом, но затея удалась.

Усевшись на краю пещеры, стал жевать. Перед ним простиралось до горизонта необъятное пространство грязно – коричневой воды. Такого ее количества он никогда раньше не видел. Она бескрайней безжизненностью отделила его от вчерашнего дня, от всего того, что составляло его сущность, от родных, от друзей, от той надежды и опоры которым была его племя, его поселение в этом большом враждебном мире. Чувство безысходности, потерянности внезапно овладело им. На глазах навернулось слезы. Его словно грубо взяли и швырнули в этот ужасный затопленный мир. Но он то жив. И у него есть еда, вода. Он еще поборется за право существования даже в этом враждебном мире. Вместе с остатками еды в душе стало подниматься и крепнуть острое желание назло всему выкарабкаться из передраги. Поборется еще за свое место под солнцем.

А солнце то уже высоко стало, пока он занимался поисками и потом куксился на краю пещеры. Вдали, на горизонте, с той стороны, откуда он пришел, темной полоской туч обозначилась линия горизонта. Нет! Надо торопиться. Еще не хватало, чтобы его в этом поганом месте застала бы непогода. Но куда и как идти, если внизу широким потоком катит грязная река? Еще раз внимательно глянул вниз. Там внизу, почти по краю потока широким уступом гора, в которой была его пещера, уходила куда-то в бок. Это вселяло надежду, что по этому уступу он сможет покинуть свое убежище. Больше раздумывать не стал и, подхватив котомку, стал спускаться на уступ.

Уступ, вчера еще покрытый зеленью трав, теперь представлял маленькую полоску выжженной земли. Идти по этой земле было легко. Но черная пыль, поднимавшаяся при каждом шаге, висела долго в неподвижном воздухе. От едкого запаха гари становилось горько во рту и все больше и больше хотелось пить. Уступ, огибая гору, повернул за почти отвесную стену, оставив реку за спиной. Уступ упирался в неширокую лощину, зажатую между двух гор. На склоне лощины гари не было, сохранилась даже трава и отдельные кустарники.

4

Идти по траве, высокой и жухлой, было трудней, но зато не было едкого вкуса гари. Часто приходилось огибать неожиданно возникающие препятствия, к тому же бесконечные, пусть и некрутые подъемы и спуски сильно замедляли ход. Солнце, выкатившись почти к зениту, накаляло воздух и окружающий мир зноем. И в тоже время в его яростном сиянии ощущалось что-то необычное. Свет от него исходил как бы красноватый. Нет, явно глазом этого не было видно. Но ощущение, что мир вокруг наливается краснотой, все больше и больше крепло в душе. Взглянув на небо и приглядевшись, заметил, что со стороны захода солнца по небу простерлись белесые языки прозрачной облачности, сливаясь у горизонта в темную полосу облаков. Полосы по небу ползли достаточно быстро. Уже через пару холмов ощущение нестерпимой жары спало. Но чувство жажды все равно осталось. В бурдючке еще булькало немного воды. Желание ее выпить было нестерпимым. Но все, что он мог позволить себе сейчас, только слегка смочить потрескавшиеся от жажды губы и чуть-чуть разбавить во рту противную тугую слюну. Появление кустарников за очередным перекатом вселило тайную надежду на скорую встречу с водой. Он попытался жевать казавшиеся сочными листья отдельных кустарников, но кроме чувства горечи во рту не прибавилось других ощущений. Можно понять его радость, когда он увидел, продираясь сквозь очередную череду кустарников один, совершенно красный от покрывавших его ягод. С опаской попробовал одну из них. Мякоть была немного сочной, с терпким привкусом, сладковато-мучнистой. Внутри была крупная продолговатая косточка. Несмотря на терпкость, вкус ягоды манил. Но что это была за ягода, он не знал. Присел под кустом. Подождал отдыхая. Вроде бы никаких болезненных ощущений в животе не возникло. Решительно поднялся и стал лихорадочно обирать куст. Поначалу, срывая пригоршню ягод, тут же отправлял ее в рот. Давясь косточками, обсасывал ягоды и выплевывал, торопясь запихнуть в рот свежую порцию ягод. Но сильный вяжущий привкус быстро набил оскомину, да и жажда как-то унялась. Развязав отощавшую котомку, он стал набивать ее ягодами. За этим занятием он не сразу заметил, что стало как-то сумрачно. Небо заволокли плотные тучи.

«Похоже, будет гроза» – подумалось ему. Крутя головой, искал, где бы укрыться. Однако вокруг были только невысокие кусты. Там, вдали за далеким спуском виднелась скалы. Но до них все-таки было далеко, чтобы успеть до грозы. Решил никуда не идти, а соорудить шалаш. Благо сухих веток от кустов вокруг было предостаточно. Несмотря на обилие материала, только-только успев под красным кустом закончить строительство шалаша, как рванул ветер, едва не разметав его убогое укрытие, и вслед за ним ослепительно сверкнуло, тут же раздался оглушительный раскатистый грохот и стеной хлынул ливень. Сверканье молний, грохот грома, шум ливня создавали ощущение бушующего за ветками шалаша ада. От ужаса вначале вжался в набросанные на землю ветки. Но гроза бушевала долго. И надежда, что и в этом аду можно выжить, все больше и больше проникала в душу.

Шалаш от ливня, стеной сваливающегося с небес, защищал слабо. Промок почти сразу. Но струи воды, просачивающиеся сквозь щели шалаша, были теплые и хорошо освежали разгоряченное тело, смывая пыль, гарь, пот и въевшуюся в кожу сажу. Немного пообвыкнув к разгулу стихии, бушевавшей за стеной шалаш, поднял голову к одной из струй, прорывавшейся

сквозь щель шалаша, и стал взахлеб пить восхитительную влагу небес, с наслаждением утоляя всю накопившуюся за день жажду.

Потихоньку грохот громовых раскатов стал отдаляться. Да и молнии уже не сверкали так часто. Ливень явно переходил в дождь, все еще довольно сильный, но уже не прорывавшийся струйками сквозь щели шалаша. В шалаше стало светлее. Через некоторое время шум дождя почти стих. Выглянул наружу и ничего не узнал. Стремительные потоки ревушей, перекатывающей камни воды неслись по склону, обходя островок земли с кустом и его жалким убежищем. Небо было сплошь затянуто низкими черными тяжелыми тучами. Шел мелкий моросящий дождь. Воздух, еще совсем недавно раскаленный, тяжелый, сухой, теперь был прохладным и сырым. Вокруг стремительными мутными ручьями, перекатывая мелкие камни, неслись потоки воды, увлекая за собой кучу веток травы и другого мусора. От сырости воздуха, мокрой одежды становилось холодно. Надо было что-то делать, чтобы не замерзнуть. С тоской оглядевшись вокруг, перепрыгивая ручьи, стал собирать пучки мокрой травы и веток и стаскивать их к шалашу. Эта работа немного согрела.

Но день заканчивался. Темнота, прячущаяся в ущельях далеких гор, вывалилась наружу и быстро погасила остатки дня. Едва успев кое-как натаскать в шалаш травы и веток, уже в почти полной темноте стал пытаться хоть как-то устроить себе ночлег. Трава была скользкой, мокрой, холодной и грязной. Из травы торчали ветки, больно упиравшиеся в тело. Повозившись еще какое-то время, удалось зарыться в эту сырую кучу, свернуться сжаться в комок. Так было чуть теплее. Усталость, мучения и переживания дня быстро сдернули осознание окружающего мира. Веки сомкнулись, и он погрузился в сон.

Сколько спал, сказать было трудно, проснулся от острого ощущения холода. Все тело била дрожь. Открыл глаза, Темнота, но не та полная, черная, когда засыпал. А призрачно прозрачная. Выглянул из шалаша и замер. Небо, усыпанное яркими переливающимися звездами, простиралось над головой. Воздух застыл, тишина было полной, осязаемой. Только время от времени раздавалось цоканье осыпающихся редких капель с высоких ветвей соседних кустарников. Дрожа всем телом и стуча зубами от холода, выбрался наружу. И вдруг в отдалении, среди кустов, нет скорее над невысокими кустами, возникло бледное сияние. В этом дрожащем пятне света отчетливо проступили контуры человека. Человек был странного вида, в струящейся всеми цветами радуги ниспадающей одежде, скрывающей все его тело, кроме рук и головы. Даже, несмотря на сравнительно большое расстояние до него, он казался большим. Одной рукой он как бы придерживал края ниспадающей одежды, в другой был длинный сияющий предмет. Очень похожий на ножи его племени, только несравненно длиннее. Лица на таком расстоянии невозможно было разглядеть, тем более что от головы исходило достаточно сильное ровное сияние. Но почти физически ощущался пристальный взгляд, направленный на него.

«Сияющий?!» – пронеслось в голове. Вроде бы да, но слишком отличен от тех, которых ему доводилось видеть у гор.

Легкое движение руки с сияющим ножом, и по земле, кустарникам огненными сполохами побежала надпись, и в голове, нет, не в ушах, а именно в голове прозвучало: «Иди и передай свое уменье».

Еще движение рукой и сполохи исчезли, только струя теплого воздуха от них обдала тело, враз высушив одежду и согрев тело. Еще мгновение, и видение поблекло и растворилось. И если бы не сухая одежда, то он был точно уверен, что все ему померещилось. Но тело и одежда были сухими, и это укрепляло сознание в реальности свершившегося.

Глаза привыкли к темноте ночи тоже не сразу. Только спустя некоторое время скорее ощутил, чем увидел, что ночь стала плотнее, темнее. Небо, только что сиявшее россыпями звезд, было почти черным. И лишь кое-где робко просвечивало искорками звезд, которые быстро исчезали под темной громадой туч, заволакивающих небо. Потянуло свежим ветром.

Он нес запах сырой земли, дождя, с чуть-чуть уловимым привкусом гари. Возвращаться в сырой, мокрый шалаш не было никакого желания. Идти в темноту ночи, по скользкому, размытому дождем склону, среди мокрых и жестких кустарников – еще меньше. Постоял. Рассвет накатывался быстро. Возникшая на горизонте едва различимая полоска света, стала распространяться по небосводу все резче и резче обозначая темную тяжесть облаков, затянувших небо. Горизонт обозначился расплывчатой цепью далеких гор. Затем и весь мир вокруг стал быстро наполняться светом, вырывая из отступавшей темноты пятна мокрых кустарников, размытые русла недавних ручьев, все в комьях грязи, травы и веток. Мир просыпался, наливаясь светом, красками и осязаемостью. И вот из-за далекой в дрожащей синеве цепи гор показался ослепительный красноватый край солнца, на мгновение как бы задержался, удивленно рассматривая открывающийся перед ним простор, и стал быстро выкатываться на небосвод. Тяжелые, низкие облака, почти полностью затянувшие небо, окрасились пурпурными мазками, эффектно оттеняя темную синеву основы. День начинался.

5

Вместе с рассветом проснулось и чувство голода. Вспомнил о котомке. Но прежде надо было хоть немного отмыть засохшую на теле грязь, глину, траву и листья. Однако поблизости воды не было видно. Махнув рукой нба свое желание, полез в шалаш за котомкой. Шалаш обдал потоком холодных капель. Вылез. По рукам, шее, лицу потекли грязные струйки. Пришлось снять одежду и, разоряя шалаш, стал вытаскивать из него ветки с поникшими листьями и обтирать им тело. До чистоты обтереться так и не удалось. Тонкий слой грязи покрыл все тело и никак не желал сползать. Поняв бессмысленность дальнейшего занятия обтиранием, сгреб одежду, подхватил котомку и гольшом стал спускаться вниз, в долину. Грязь на теле стала подсыхать и неприятно стягивать кожу. Но быстро идти было трудно. Кусты царапались, еще не высохшая от дождя почва на склоне предательски скользила под ногами. Приходилось выбирать участки с уцелевшей травой. Это отнимало немало времени. Поэтому, когда спустился к подножию горушки, день был в полном разгаре. Солнце окончательно скрылось за облаками, но ветерок, дувший со стороны долины, тем не менее, теплел. Да и от ходьбы согрелся.

У самого подножия сверкнула большое пятно лужи. Вода в луже была мутная, коричневая от глины. По поверхности плавала трава и древесный сор, качаясь на слабых волнах ряби, поднимаемой ветерком. И все-таки это была вода. Скинув с себя одежду, решительно направился к центру лужи. Вода, поначалу показавшаяся холодной, передавала телу ощущение свежести. Лужа была хоть и широкая, но мелкая. В середине едва достигала колен. Дно было ровным, травянистым. Дойдя до середины сел и стал смывать с тела, рук, лица грязь. Нестерпимо захотелось пить. Поколебавшись, нагнулся и стал осторожно пить, отгоняя мусор и листву. Вода сильно отдавала глиной, травой и деревом, но освежала. Долго сидеть в луже не пришлось. Обдуваемое ветерком тело стало быстро мерзнуть. Вылез на берег. Полез в котомку, достал бурдючок и еще некоторое время наполнял его водой. Потом обул сандалии, подобрал котомку, одежду и пошел нагишом, надеясь в пути пообсохнуть.

Идти вначале было трудно. Мокрые сандалии чавкали, нога неприятно скользила по подошве. Стебли высокой и все еще мокрой травы неприятно стегали по голым ногам. Пришлось остановиться и натянуть на все еще влажное тело одежду. Тем не менее, одежда быстро согрела. Хотелось есть. Не переставая идти, запустил руку в котомку, достал пригоршню ягод и отправил их в рот. Ягоды наполнили вяжущей терпкостью рот, но чувство голода не унималось. Запуская раз за разом руку в котомку, он продолжал жевать ягоды, пока не появилось громкое урчание и неприятные ощущения в животе. Враз пропало желание есть ягоды. Пошарив по дну котомки, вытащил кусок размякшей лепешки, густо облепленный ягодами. Отломил кусок. Тщательно очистил от ягод и с наслаждением съел. Лепешка немного успокоила и утолила

чувство голода. Через некоторое время мысли опять вернулись к оставшемуся куску лепешки. Чтобы их отогнать ускорил шаг. Хороший темп действительно отодвинул все мысли о хлебе насущном на задний план. День был хоть и теплый, но сумрачный. По такой погоде шагалось легко. К тому же высокая и жухлая трава предгорий сменилась низкой травянистой растительностью, пятнами покрывавшую высохшую от отсутствия влаги землю. Шел без отдыха почти целый день, только время от времени прикладывался к бурдючку, с наслаждением отпивая маленькими глотками теплую и с глинистым привкусом воду.

Вечер, и за ним навалившаяся темнота ночи, застали как-то внезапно. Прямо посреди бескрайней степи. Он даже толком места для ночлега выбрать не успел. Свалился на сухую землю с торчащими местами колкими пучками сухой травы. Выпил немного воды и пожевал горсть ягод. Не осознав, выплюнул ли косточки или нет, уснул. С голодухи и усталости спал так крепко, что проснулся, когда совсем рассвело и что-то противно щекоча, ползало под одеждой по спине. Инстинктивно хотел вначале сунуть руку под кожаную жилетку, но вовремя остановился. Схватился руками за ее края и рывком рванул с себя. На землю выпал большой скорпион. Он встал на лапы, задрал кверху клешни и изогнул дугой тело с шипом на конце.

Давить скорпиона не стал. В конце концов, сия тварь ему ведь не причинила вреда. А могла бы. Тряхнув жилетку на всякий случай, еще раз осмотрев себя, пятясь, отошел от скорпиона, все еще стоящего в боевой позе, повернулся, подобрал котомку и пошел дальше, навстречу начинавшемуся новому дню. Небо было все так же затянуто низкими облаками, Но дождя не было. С близких гор дул ветерок, прогоняя остатки дремоты.

Шлось легко. Отдохнувшие за ночь ноги легко и непринужденно несли тело по еще свежей от ночной прохлады и слегка влажной степи. Даже есть не хотелось. Первое желание перекусить появилось вместе с чувством усталости ближе к полудню, когда уже четко различались горы с темными пятнами то ли кустарников, то ли деревьев у их подножий. Поднявшись на очередной пригорок, ошалел от открывшегося перед ним вида. Внизу, в ложине, изгибаясь, текла неширокая речушка. Ее берега густо обросли тростником, кустарником и невысокими деревьями, так что сквозь их спутанную гущу лишь кое- где проглядывала вода.

Наконец-то вода!

В бурдючке только чуть-чуть бултыхалась теплые глинистые остатки влаги, которые он весь день берег как самую драгоценную ношу. А теперь столько воды!

Чуть ли не бегом спустился с пригорка и хотел сразу ринуться в реку. Но не тут-то было. Жесткие ветки кустарников, густо переплетенные тростником и еще какой-то полуводной растительностью, наглухо перекрыли путь к воде. Пришлось отступить и пойти вдоль русла надеясь найти более-менее сносный проход к воде. От нетерпения он почти бежал, иногда проскакивая, как ему казалось, приемлемые участки. Но возвращаться не хотелось, и он продолжал свой лихорадочный полубег. Увы, берег был достаточно однородно заросшим. Пришлось остановиться и перевести дух. Стал прикидывать, где бы можно было найти подходящее место. На этом почти плоском участке поля вряд ли – скорее подальше, ближе к горам, где местность начинала бугриться пригорками. Там наверняка найдутся свои ложбинки, по которым дождевые ручьи несут свои воды в речку и скорее всего там то и можно будет пробиться к берегу.

Надежды оказались верными. Действительно, за очередным невысоким пригорком открылась неглубокая ложинка, примыкавшая к самому берегу реки с широкой песчаной отмелью. Пройдя по ложинке и подойдя к берегу, он с тревогой обнаружил, что песок на берегу был изрядно изрыт многочисленными следами. Следы были свежие. Не дольше нынешнего утра. Сын полей, прошедший всю свою недолгую жизнь бок о бок со скотиной, и немало повидавший во время выпасов разных хищных тварей, он прекрасно разбирался в следах, чтобы понять, что сюда на водопой ходили в основном антилопы, дикие буйволы, зебры и еще какие-то копытные животные. Но были и широкие разлапистые следы, скорее всего львов или львиц и мелкие следы шакалов. Правда, их было немного. Но и этого было достаточно, чтобы в душе подня-

лась настороженная тревога. Успокаивало лишь то, что сейчас, близко к полдню, на водопой животные вряд ли пойдут, и скорее всего в засаде хищников тоже нет. Надо было спешить быстрее помыться, набрать воды и сматываться с этого места.

Вода в реке была мутной и довольно холодной. Течение было сильным, так что отдельные бурунчики то тут, то там возникали на поверхности воды. Дно вначале песчаное, вскоре совсем недалеко от берега перешло в галечное. Присел. От перепада температуры душа и тело сжались, но быстро пришел в себя. Стало приятно от ощущения прохлады и упругой ласки струй воды, обтекавших тело. Блаженное состояние было быстро прервано тяжелым всплеском воды, донесшимся из зарослей тростника. Скорее инстинктивно, чем соображая, вскочил и бросился вон из воды. Обернулся. Между расходящимися по поверхности воды кругами совсем рядом с берегом появились два движущихся бугорка. От них веером расходились волны, создавая впечатление достаточно большой скорости их передвижения.

«Крокодил!». Схватив одежду, отскочил от края воды. Почти сразу, с шумом рассекая воду, раскрыв пасть на берег стал быстро выползать крупный крокодил. Пришлось отбежать подальше от берега. Крокодил остановился на краю песчаного берега. Тяжелый взгляд из вертикальных прорезей неподвижных глаз уперся прямо мне в лицо. Все замерло. Стало понятно, что путь к воде здесь отрезан. Надо идти дальше.

Оделся. Неспеша, двинулся от реки к горам. Очень хотелось есть. Взобравшись на пригорок, осмотрелся. По краю крутого спуска к реке росло несколько полувысохших деревьев. Среди редкой блеклой резной листвы то тут, то там свисали высохшие длинные стручки.

Он немного знал толк и в плодах, и в травах. Женщины племени часто брали пацанов, когда ходили в горы за плодами, травами, семенами. От них он научился распознавать съедобные и ядовитые растения, шелушить метёлки трав, выковыривать коренья, ловить всяческую мелкую живность, всех этих жучков, паучков, саранчу и даже мышей, тушканчиков, сусликов. Он не знал, что это за стручки, но в памяти всплыло, как с пацанами они рвали что-то похожее, раскрывали их и ели терпкие, жесткие горошины, в изобилии высыпавшие из этих стручков. И сейчас, раскрыв один из них, высыпал на ладонь черные сморщенные семена. Однако попытка разгрызть сразу горсть семян закончилась ничем. Семена оказались невероятно жесткими. Пришлось прибегнуть к камню, чтобы размолотить эти неподатливые зерна. Растирание зерен оказалось трудным и долгим занятием. Размалывать сколь-нибудь большую горсть не получалось, так как большая часть семян предательски выдавливалась из-под камня целыми и невредимыми. Оставшиеся перетирались в тонкий слой коричневатой пыли, которую потом сметал в жидкие кучки, столь малые, что никакого чувства сытости не появлялось даже после размалывания значительного числа стручков. А вот нарастающая горечь во рту проявлялась все отчетливее. Занятие оказалось столь утомительным, что, в конце концов, сгреб оставшиеся стручки в кучу и в сердцах стукнул по ним изо всех сил камнем. Семена веером брызнули из-под камня. Но в тот же миг камень в руке раскололся на части. Не на бесформенные куски, а на несколько лучеобразных частей. С удивлением разглядывая эти части к своей радости отделил два копьеобразных, с рваными острыми краями. Взяв один из них в руку, ощутил, как плотно и ровно он лег в ладонь. Кусок был почти как его нож, только каменный. Ощущение радостной силы шло от камня и наполняло тело. Радость от такой находки был столь велика, что он воздел к небу руки с зажатым в кулаке приобретением и издал низкий гортанный крик, похожий на воинственный клич его племени.

6

Увы, как часто чувство радости и ощущение свободы словно будит в окружающей действительности отчаянное сопротивление, ответную негативную реакцию. И теперь. Не успело отзвучать ответное эхо от ближних скал, как раздался отчетливый, хотя и далекий львиный

рык. Этот рык, как ушатом холодной воды обдал разгоряченное тело и враз заставил сжаться и замереть за деревом, откуда боязливо выглядывая, старался разглядеть среди высокой жухлой травы самого льва. Через некоторое время трава у берега зашевелилась, и среди ее стеблей показалось гибкое тело под цвет этой травы львицы. Кошка явно направлялась к песчаной отмели. Через мгновение она увидела все еще лежавшего на берегу крокодила. Села и слегка повернув в сторону голову, издала рык. Крокодил не шелохнулся, только широко раскрыл пасть. Через некоторое время из травы вынырнула еще одна львица, а за ней котенок. При виде крокодила львица с котенком остановились. Тогда первая львица неспеша, словно с лентой приблизилась к пасти крокодила. Крокодил сделал выпад. Но еще за мгновение до выпада кошка, словно по интуиции, слегка отпрянула назад и тут-же лапой стукнула по пасти крокодила. От неожиданности и силы удара пасть слегка сомкнулась, крокодил зло шлепнул хвостом по песку, но не сдвинулся с места. Кошка немного отошла назад, а затем с боку сделала выпад, вновь ударив крокодила по пасти, но уже ближе к глазам. Крокодилу такая тактика явно пришлась не по себе. Не закрывая пасть, он стал пятиться к воде, время от времени молотя хвостом. Отойдя к краю воды, крокодил замер, села и львица, словно в пренебрежении и равнодушии к крокодилу повернула голову ко второй львице. Последняя, вместе с детенышем, двинулась к воде. Крокодил своей открытой пастью сделал движение в сторону новой львицы, но тут-же получил удар от первой по пасти. Больше крокодил не позволял себе вольностей, и настороженно с открытой пастью наблюдал за львицей. Напившись воды, вторая львица с детенышем подались обратно. Первая, сопроводив взглядом котенка, поднялась, зашла сбоку от крокодила и прыжком двумя или тремя ударами лап заставила крокодила захлопнуть пасть и ретироваться в реку. Разворот крокодила в сторону реки был столь стремителен, что кошка от последующего удара хвостом крокодила полностью увернуться не успела и была отброшена на приличное расстояние. Боль и поднявшаяся ярость бросили кошку на погружавшегося в воду крокодила. Но в воде силы были не равные, и холодная вода быстро отрезвила кошку. Она с шумом выпрыгнула на берег, развернулась, и принялась судорожно лакать воду. При этом даже издали было видно, как напряжено все тело, готовое к броску при появлении ненавистного обидчика. Напившись, зло и громко рыкнула в сторону реки, развернулась и ленивой трусцой скрылась в зарослях травы. Стало тихо. Внутреннее напряжение от близости смертельной опасности спало. Но интуиция подсказывала, что рано расслабляться. И точно. Среди тишины в отдалении с другого берега реки послышался нарастающий топот множества копыт. Через некоторое время на крутом противоположном берегу с шумом раздвигая кустарники, появился табун зебр. Зебры храбро скатывались вниз, в реку, и, преодолевая течение, стремились непременно выплыть на песчаную отмель. Большинству это удавалась, но последние, видимо более уставшие, с течением справлялись плохо, и их сносило в сторону от отмели. Одну из таких зебр отнесло достаточно далеко, и она пыталась выбраться на берег сквозь заросли тростника, но это получалось плохо. Внезапно она отчаянно забарахталась, силясь выдернуть заднюю ногу, словно попавшую в капкан. Эти отчаянные усилия в какой-то мере увенчались успехом, и на поверхности воды стала появляться пасть крокодила, намертво вцепившегося в ногу зебры. Остальной табун, уже выбравшейся на берег и с шумом пивший воду, внезапно вздрогнул, сбился в кучу, и круто развернувшись с нарастающим темпом понесся вдоль реки. За ним среди травы, словно сторожевые псы, огромными прыжками неслись три львицы. Одна из львиц на бегу заметив барахтающуюся в зарослях тростника зебру, остановилась и в несколько прыжков бросилась на нее, вцепившись в шею. Зебра рухнула в прибрежный тростник. Крокодил, опять потащил дергающуюся в конвульсиях зебру в реку. Но не тут-то было. Кошка, тоже намертво вцепившаяся в зебру, никак не хотела отдавать добычу. Спустя короткое время на помощь охотнице пришли и остальные львицы. Втроем, вцепившись в зебру, они стали тянуть ее на берег. Крокодил отчаянно молотил хвостом по воде тоже не отпуская добычу. Такое перетаскивание продолжалось недолго. Раздираемое тело зебры не выдержало, и крокодил с

куском ноги в пасти ушел под воду. Остатки туши львицы вытащили на берег, подальше от воды. Началось пиршество. В тишине раздавалось только негромкое урчание и треск раздираемой плоти с редким хрустом ломаемых костей. Потянуло свежатежкой и кровью. С каким бы наслаждением присоединился бы он сейчас к этой трапезе. Но чувство страха и понимание, что стоит ему обозначить свое присутствие, как сразу-же разделит участь зебры, приковывали к земле. Совершенно непонятно откуда и как вокруг пирующих львов стали появляться огромные птицы с голыми длинными шеями. Они садились близко к туше и как то бочком-бочком подбирались к ней стараясь ухватить кусок. Но тихий рык ближайшей львицы, недовольной нахальными визитерами, заставлял их отскакивать от туши. Но проходило мгновение и все вновь повторялось. Наконец львицы насытились. Отодрав от полуобглоданной туши по большому куску мяса львицы одна за другой подались восвояси. Тут же тушу облепили стервятники.

Это было слишком. Схватив камень, ринулся к туше и он. Стервятники свое место под солнцем просто так уступать не хотели и при попытке отогнать их от туши поднимали крылья, вытягивали шеи и злобно клекотали. Только после того как камнем уложил одну из таких злобных тварей, остальные как то нехотя отлетели, немного уступив пространства у туши. Больше обращать внимания на стервятников времени не было.

«Кого еще сюда может привлечь запах свежеразделяемого мяса?»

И лихорадочно ища более-менее приемлемый кусок среди разорванной плоти, он быстро сообразил, что, только перевернув останки на другую сторону, можно будет найти что-то подходящее. Ухватившись за остаток задней ноги зебры, рывком перевернул тушу, вернее ее заднюю часть. Ляжка, вся вымазанная грязью, была нетронутой. Размахнувшись, попытался всадить камень в эту ляжку. Шкура оказалась достаточно прочной, и только острие камня немного вошло внутрь. Пришлось медленно, с большим трудом вспарывать шкуру, добираясь до мяса. Затем так же медленно вырезать большой кусок мяса, отделяя его от костей. Перепачканный кровью, взмокший от этой работы, он, только после того как отделил кусок от остальной туши, с удивлением осознал, что птицы плотно облепившее то, что оставалось от зебры, даже и не пытались как-то ему мешать. Напротив, ухватившись острыми кривыми клювами во вспоротую им шкуру и упираясь сильными когтистыми лапами, они достаточно умело и сноровисто продолжали раздирать шкуру. Птицы явно приняли его в свою компанию. Но размышлять по этому поводу было некогда, итак довольно много времени провозился, отделяя свою порцию мяса. Схватив кусок и котомку, ринулся к воде. Прежде всего, пока крокодил уплыл со своей добычей, надо набрать в бурдюк как можно больше воды. Мясо, которое мешалось в руках, опустил в воду. Вода в бурдюк, булькая, набиралась медленно. Кровь от куска мяса тем временем тоже медленно расходилась по воде, пока не достигла струи реки и подхваченная потоком потянулась мутным шлейфом вниз по течению. Аромат струи не оставался долго незамеченным. И вот уже по поверхности реки потянулись шлейфы от быстрого движения под поверхностью воды крупных тел, направлявшихся явно к тому месту, где он набирал воду. Пришлось, схватив бурдюк, кусок мяса, и на бегу подхватив котомку срочно ретироваться как можно дальше от воды. И вовремя. Только, только успев отбежать от воды на несколько метров как из реки, с шумом расплескивая воду, почти одновременно появились два крокодила. Дальше размышлять было некогда. Что было сил бросился прочь, стремясь быстрее покинуть песчаный берег и выбраться на траву, где крокодилам его уже было не достать. Это удалось. Хотя за спиной явно слышался приближающийся скрежущий под когтистыми лапами топот. На траве скорости убегающего и преследователей были столь разительны, что крокодилы прекратили преследование и остановились. Но ненадолго. Их внимание привлекла суетливая возня птиц, да и запах свежего мяса. Приоткрыв пасти, они разом двинулись к остаткам туши. Птицы держались стойко. Лишь, когда до пасти крокодилов оставалось всего ничего, они как то бочком-бочком отлетали в сторону.

Что было дальше, он уже не видел. Да и не интересовало его это вовсе. Нужно было привести себя в порядок и разобраться со своей добычей.

Выбравшись на пригорок, собрав все силы, помчался к видневшейся недалеко горушке с жидкими кустарниками на ее пологих скатах. Полубегу очень сильно мешала жухлая высокая трава, больно саднящая голые ноги. Но сознание, что в этой высокой траве могут обретаться и недавно виденные львы, мощно подстегивало тело. К счастью, все обошлось. Еще задолго до захода солнца он достиг желанной цели и взобрался по пологому склону горушки на ее вершину. С нее открылся захватывающий вид цепи каменных гор и скал, покрытых зелеными пятнами трав и кустарников. Подсвеченные лучами вечернего солнца скалы манили возможной прохладой в сгущающихся тенях ущелий и провалов, возможностью надежного укрытия и защиты. Забыв об усталости, он ринулся туда. И действительно, совсем немного взобравшись по крутому склону скал, достаточно быстро обнаружил вполне приличную неглубокую пещерку, которая могла бы послужить хорошим и относительно безопасным ночным пристанищем. От усталости и осознания достижения цели, бросив котомку, с наслаждением растянулся на довольно неровном дне пещеры. Несмотря на сгущающуюся тень ощущения прохлады не было. Видимо пещера весь день достаточно сильно прожаривалась солнцем и поэтому камни и стены пещеры, остывая, продолжали излучать накопленное за день тепло. Это тепло и заставило довольно быстро вспомнить о мясе в котомке. «Эдак недолго ему и протухнуть» – мелькнуло в сознании. Вытащив свой каменный нож и добычу, нашел глазами более-менее подходящий камень и стал на нем разделывать мясо, стараясь нарезать как можно более тонкие ломтики. Эти ломтики выносил наружу, на горячие от солнца камни и растягивал мясо по их поверхности. Солнце стремилось к горизонту. Надо было спешить. Но мясо поддавалось с трудом. Импровизированное каменное орудие труда то и дело соскальзывало и скребло по поверхности каменного разделочного стола. В один из таких моментов, когда от досады на медленную работу особенно сильно полосонул по камню, в полутьме пещеры вспыхнули яркие искорки и в воздухе сразу запахло горелым. От неожиданности даже опешил. Затем со всего размаха еще раз полосонул по камню. И там, где по камню шла белесая жила, выскочил целый сноп ярких искр. С тревожной радостной надеждой он выскочил из пещеры и стал лихорадочно искать и собирать пучки сухой травы, веток и всего того, что, по его мнению, могло хорошо гореть. Собрав все в кучку и оттерев досуха камень, стал высекать искры, поднося к ним пучок сухого мха и травы. К великой радости вскоре от пучка потянуло дымком, и после интенсивного раздувания вспыхнул огонек.

Второй раз за этот день его обуяла непомерная гордость и чувство собственного могущества. От распиравшей радости из груди вырвался восторженный вопль, эхом отразившийся от ближайших скал. Его уже несколько не беспокоило то, что по этому громкому воплю его могут обнаружить в этом жалком убежище. Ну и пусть! Пусть сюда явятся хоть стая этих свирепых и голодных львов. Пусть! У него есть теперь и оружие и огонь, и все они попятятся от его грозного вида. Но радость была недолгой. Вид быстро прогоравшей кучки костерка сменился тревожной заботой как в этой темноте среди скал и скудной растительности найти веток и всего, что могло гореть и поддерживать это зыбкое пламя. Поиски были и трудными и долгими. Но, тем не менее, где-то к середине ночи ему удалось-таки собрать более-менее приличную кучу сушняка. Теперь можно было заняться и мясом, большая часть которого еще днем была разложена по камням вокруг пещерки. И опять начались мучительные поиски, и хотя в дело пошли горящие пучки сухих веток, все равно удалось найти едва ли половину из разложенных для вяления кусков. Остаток ночи провел в жарке над костерком всего, что имелось и нашлось. К тому же возбуждающий запах свежееобжариваемого мяса, пропитанного запахом дыма, пробудил такой аппетит, что изрядная часть обжариваемых, но еще сырых кусков оказалась в желудке. Сытость, усталость и чувство самоудовлетворения быстро сделали свое дело. Даже не заметил, как уснул.

Проснулся от того, что в глаза ярко светило солнце и изрядно припекало.

Уснул, по-видимому, еще сидя и уже во сне сполз в расщелину пещерки. От неудобной позы ощутил боль в спине и онемевшую руку. Не без труда выполз из расщелины, удивляясь тому, как в таком положении вообще можно было спать. Вторая мысль молнией пронеслась в голове – «котомка!». Но ту же отлегло. Котомка, тугим бугром, лежала возле ног. Рядом лежал каменный нож. Костер потух, но, по-видимому, недавно, так как слабый дымок все еще шел из-под непрогоревших веток. Стало спокойно на душе и радостно. Начинался новый день. И он вступал в него отдохнувшим, сильным, уверенным и сытым. Есть после ночной и обельной трапезы не хотелось. Вскочил на ноги, подхватил котомку, нож и вышел наружу. Солнце поднялось довольно высоко, и в сиянии дня открывался удивительно волшебный вид на не очень далекие горы, все еще подернутые утренней дымкой, с темно-зеленой опушкой по их скатам и темными пятнами расщелин. Там за этими горами были его родня, его шатры. Там должны были ждать его отец, мать, братья, сестры и вообще все те, кто жил с ним бок о бок в его большом стане.

Шлось легко. К полудню достиг подножий высоких гор. Горы встретили густыми зарослями кустарника и редкими деревьями. Заросли внушали опасение и тревогу. Хотя на всем пути к горам не встретилось ни одной крупной твари. Но, то пожухлая степь с редкими деревьями. А тут почти непролазные заросли. Решил поискать более подходящее место. Идти пришлось долго. Зато набрел на пересохшее русло горной речушки, сплошь состоящее из мелких и крупных камней. Идти по ним было трудно и медленно. Но зато относительно безопасно. К тому же русло, петляя по ущелью, достаточно полого поднималось в гору. Вскоре кустарники отступили от русла, и за очередным поворотом открылась покатая долина с редкими деревьями среди высокой зеленой травы. Долина упиралась в казавшуюся относительно невысокой гору, так что появлялась надежда одолеть ее и перейти на ту сторону хребта.

Увы. Действительность почти всегда хуже ожиданий. Казавшийся издали склон оказался на деле крутым и скалистым, сильно изрезанным глубокими и узкими складками, с редко торчащей скудной растительностью. По такому склону лезть вверх пришлось долго. К тому же там, на высоте, горячий и едва ощутимый ветерок низины превратился в сильный и холодный ветер, так что, несмотря на напряженную работу, становилось зябко. Но вершина была близка, и это придавало силы.

Каково же было разочарование, когда ухватившись за очередной выступ, он рывком поднялся над карнизом, надеясь увидеть площадку, на которой можно было бы передохнуть, а вместо этого прямо за карнизом гора обрывалась почти вертикально вниз в жуткую бездну, подернутую дымкой. Обрыв острым уступом уходил в обе стороны к соседним горам. Потрясенный увиденным, некоторое время лежал на пологой стороне, ухватившись за каменистые выступы края обрыва. Пока отдыхало тело, мысль лихорадочно искала выхода из ситуации. Ползти вниз – это почти наверняка сорваться. Долго пребывать в полувисячем положении тоже невозможно. Остается попытаться вдоль обрыва пробраться к склону одной из соседних гор. Несмотря на кажущуюся сложность ползти, цепляясь за острые выступы, оказалось совсем нетрудным делом, если бы не сильный холодный ветер от которого коченели и руки и тело. Но и тут повезло. За изгибом горы ветра почти не было. Это придавало сил и уверенности. К тому же надо было спешить. Солнце явно клонилось к горизонту, и темноватая глубина закрайной бездны, в которую он время от времени заглядывал по мере продвижения, быстро наполнялась чернотой.

Обрыв как то резко закончился. До склона соседней горы было еще далеко, а из бездны словно вынырнул противоположный крутой скат, который с каждым продвижением становился

положе и положе. Да и закраина потеряла остроту и перешла в отдельные выступы. Вскоре можно было подняться и спокойнее перейти на ту сторону горы, спускаясь наискосок вниз по ее пологому склону. Спуск шел быстро. Вскоре начали появляться из сгущающейся полутьмы чахлые кустики. Пожалуй этого было достаточно, для того чтобы насобирать на костерок и поискать место для ночлега. Что и сделал. Да и место для костра и ночлега нашлось за уступом скалы с достаточно ровной площадкой. Вот только пучки травы никак не хотели зажигаться от хилых высекаемых искр. И пришлось сильно пожалеть, что не захватил с собой пучки сухого мха. Но отчаянные усилия и бешеное желание, во что бы то ни стало развести костер, помогли делу. В конце – концов, темноту ночи осветил слабый лепесток огня. Сохранить его и раздуть пламя костра уже не представляло труда.

Сон сморил внезапно. Тепло костра и предельная усталость быстро сделали свое дело. Последнее, что еще наутро вспоминалось это тщательно закупориваемый бурдючок с водой и непередаваемый вкус горячего куска мяса, вытащенного из углей костерка. Зато отчетливо помнился странный сон, в котором он был каким-то большим и сильным зверем, огромными прыжками настигающий косулю, и потом клыками разрывающий ее толстую шкуру и с наслаждением пожирая теплые вздрагивающие шевелящиеся куски мяса, почему-то стремящиеся ускользнуть из пасти.

Потом было еще два дня пути по горам. Но ничем особенным они не запомнились, кроме изнуряющей усталости в конце каждого дня. Да еще сильного дождя ночью, ручеек от которого проник под навес скалы и насквозь промочил всю одежду.

В конце второго дня перевалив очередную гряду, увидел внизу в лучах вечернего солнца широко раскинувшуюся долину, окаймленную на горизонте едва видимой блестящей полоской воды. Совсем не далеко, вниз по склону виднелось пасущееся стадо. Подойдя ближе, стало различимо, что это было стадо домашних животных. Вскоре обозначились и пастухи. Неожиданная встреча с ними могла предвещать ничего хорошего. Но, изнуренному длительным переходом и голодом ему было решительно наплевать на последствия. Хотелось только одного, чтобы поскорей закончились мученья.

Пастухи встретили пришельца настороженно, но не агрессивно. Видимо изможденный вид скитальца не внушал особых опасений. А вот разговор долго не клеился, так как язык, на котором общались пастухи, можно было понять с трудом. Пока выясняли, кто да что, стало темнеть, и кто-то из пастухов разжег костер. Перед сном дали напиток и что-то поесть. Но спать велели поодаль от всех и от костра. Возражать было бессмысленно и, подхватив котомку, расположился поближе к сбившемуся в кучу небольшому стаду.

Поутру меня отправили с одним из пастухов к стану. Стан был большим – несколько больших шатров, много шатров поменьше и целая куча лачуг располагались на пологом берегу реки. Такого большого стана он еще не видел. Масса женщин и детей повысыпали из своих жилищ и с любопытством разглядывали чужака, которого вел пастух по направлению к одному из больших шатров. Мужчин встречалось мало и, в отличие от остальных, делали вид полного пренебрежения к пришельцу. Подойдя к шатру, пастух жестом велел остаться на месте, а сам сначала заглянул, а потом и скрылся за его пологом. Через некоторое время пастух вышел, почтительно пропустив впереди себя высокого широкоплечего мужчину. По пристальному и властному взгляду мужчины можно было понять, что перед ним либо хозяин стана, либо один из тех, воле которого подчиняются все остальные.

– Ты кто?

И не дождавшись ответа, уточнил вопрос.

– Ты из племени Большой реки?

Вопросы прозвучали почти на его языке. Он ответил утвердительно.

– И ты заблудился?

– Да.

– Но ты забрел слишком далеко от своего дома, ты это знаешь?

Этого не знал, и вместо ответа только пожал плечами.

– Ну что ж. Я беру тебя и дам тебе еду. Ты будешь вместе с ним – и он кивнул на пастуха – пасти мой скот.

– Я не могу тебя назвать моим рабом, поскольку ты пришел сам, но и членом моей семьи ты тоже не будешь. Будешь просто работать у меня, пока не наберешься сил и не сможешь добраться к своим. Согласен?

Утвердительным кивком головы выразил согласие.

– Ну, договорились. А место для шалаша выбирай сам, но желательно поближе к моему шатру.

С хрустом потянувшись и потеряв дальнейший интерес к пришельцу, повернулся и скрылся в шатре.

Так началась новая жизнь в чужом племени. И пребывание оказалось долгим. Долгим, в силу того, что спустя некоторое время до стана доползли слухи о катастрофе на большой реке, что половина племени погибла в горах, а остальных смыло большой водой в озеро. И, похоже, мало кто спасся.

Сие известие, принесенное одним из сыновей хозяина на пастбище, так потрясло, что весь день не мог найти себе покоя, бросив все и уединившись в ближайшей роще на берег небольшой речушки. Там, тупо глядя в воду, в оцепенении и просидел до темноты. Но заботы последующих дней отодвинули тоску куда-то вглубь души. К тому же ровное отношение окружающих позволили быстро наладить спокойную жизнь.

Глава вторая

1

Так ли это все было или не совсем так, кто бы знал? Чужак во время своего пребывания в стане очень подружился с дедом. Он то и рассказал ему все о своих злоключениях. А тот уж мне, как мог, так и пересказал. И еще. Это Чужак и показал, и научил деда варить железо. Во всем племени, в котором нашел приют Чужак, металлических предметов вообще было мало. Несколько женских украшений, пару наконечников на копьях хозяина стана, его большой нож-меч с блестящим, отдающим желто-коричневым светом, лезвием. Да еще такая же блестящая тарелка-зеркало у Матери стана. Мать, сидящая стройная женщина, обитала в отдельном шатре, на краю стана и, пожалуй, являлась самым главным и почитаемым членом и стана, да и всего племени. Почти все важные для племени дела проходили с ее разрешения и благословения. Она давала добро на создание семьи, она принимала у всех роды, с ее участием проходили довольно частые захоронения в племени, к ней обращались за помощью при любых заболеваниях и недомоганиях. Без преувеличения можно было сказать, что Мать была центром жизни всего племени. Вторым человеком в стане был его Хозяин. Жил он в самом большом шатре, владел большим стадом, и именно от него во многом зависела жизнь и пропитание большинства сородичей и небольшого числа рабов, постоянно обитавших в стане. Дед, тоже подчинялся Хозяину в вопросах, касавшихся всего стана. Но во всем остальном он был независимым, имел свое небольшое стадо и несколько рабов. Отец деда в свое время тоже был рядовым членом племени, но он был удачливым и толковым охотником. Настолько толковым, что сумел вырастить из нескольких телят и ягнят, добытых во время охоты, свое небольшое стадо и приобрести вес и значение в глазах всего племени. Как и у Хозяина у него было много детей. Правда, от нескольких жен, которые почему то умирали быстро одна за другой.

Все эти металлические предметы были выменяны у торгашей там далеко, в стране на восход солнца, в обмен на скот, шкуры и на то, что удавалось вырастить женщинам племени. Но эта страна находилась далеко, на берегах большой-большой реки. Добираться приходилось много дней, и путь был далеко не безопасный. Так что для охраны каравана набиралось много воинов, сопровождавших караван. Само собой разумеется, что такие караваны были редки, и предметов обмена поступало в стан очень немного. Поэтому, когда Чужак из сооруженной им печи получил первый корявый слиток металла, восторгу в племени не было предела. Отец деда долго и заворожено осматривал и ощупывал этот тяжелый массивный слиток, бил камнем и даже пробовал на зуб. Потом, не отходя, смотрел, как Чужак *вновь раскалял этот кусок, расплющивал* и отделял от него заготовки. Потом вытачивал из них наконечники для копий и большие черные ножи. Все это казалось чудом, а Чужак со своим уменьем – богом. Авторитет Чужака стал непререкаемый, и по его просьбе ему выделялось любое количество людей племени для помощи в многотрудном деле. Но труднее всего было доставлять руду и черные блестящие горючие камни. И только Чужак знал места добычи. Когда и как ему удалось их разыскать, об этом Чужак никогда и ни с кем не делился.

Черные камни Чужак вначале разбивал в крошку, потом разбавлял эту крошку водой и месил из нее тесто. Лепешки теста затем раскладывал на раскаленные угли и смотрел как они, шипя и издавая мерзкий удушливый запах, спекались. И уже потом укладывал их в плавильную печь на руду и замуровывал печь.

Плавильную печь Чужак лепил из глины. Каждый раз новую. Это был долгий и кропотливый труд. Потому что после каждой порции кладки она должна была долго сохнуть и обжи-

гаться. Зато когда печь была готова, и начинался процесс ее загрузки, то на это событие собиралось почти все племя. Перед печью ярко горел костер. Чуть поодаль, впереди всех, на шкурах восседала Мать и рядом Хозяин. Затем все остальные. Мать, окинув взором всех собравшихся и убедившись, что все прониклись чувством важности момента, кивала головой. Начинался процесс загрузки. Сначала клались дрова, затем черные камни, затем толченая руда. Поверх клались лепешки. Перед тем как замуровывать печь к ней подходила Мать. Чужак насыпал ей в подставленные ладони какой-то порошок. Мать медленно и торжественно посыпала им всю закладку, и Чужак замуровывал верх печи. Потом горячей головешкой из костра поджигались дрова в печи.

После того как переставал валить из трубы густой дым к печи подходили двое мужчин из племени с какой-то обтянутой шкурой рогатиной, вставляли один конец в отверстие печи и начинали ритмично ее сжимать и раздвигать. Громко чавкая, из отверстия рогатины в печь устремлялся воздух, и было отчетливо слышно, как с каждым жимом в печи все сильнее и сильнее разгоралось пламя. Плавка металла начиналась. Как правило, вся процедура загрузки начиналась с утра и шла медленно, торжественно, так что к тому времени, когда разгоралось пламя в печи, уже вечерело. Хозяин вставал и делал знак всем остальным, что ритуальная часть процедуры закончилась, и пора приступать к торжеству по этому случаю. Утомленные зрители мгновенно рассыпались по своим шалашам и шатрам, тут и там вспыхивали костры, и начиналась подготовка еды. При этом гвалт над станом стоял невероятный, словно все и сразу старались выплеснуть из себя накопленное за долгое молчание все увиденное и свои впечатления. Этот гвалт, суета еще больше придавали ощущение важности события, его праздничности. Уже в темноте ночи, насытившись, люди стана, вновь собирались к костру, пылающему у печи. Рассаживалось, где могли, тихо переговариваясь. Лишь громкие и ритмичные всхлипы мехов нарушали тишину ночи. Ритм возбуждал. Почти всегда находился кто-то, кто притаскивал долбленную колоду, туго обвязанную шкурой, и начинал выстукивать в такт мехам ритм. И вот из темноты ночи в мерцающий от огня костра круг света всплывала стройная девушка. Легкая туника лишь прикрывала тело. Черные длинные волосы, расплескались по маленьким округлым плечам. Все тело в такт музыки плавно изгибалось, вскинутые вверх руки плавно завершали колебания тела. Мелко-мелко перебирая ногами, девушка плыла вокруг костра. Отблески пламени играли на тугой гладкой коже ее тела, стройных ног и приоткрывающихся под ритмы танца бедер. И вот такт музыки уже не совпадает со всхлипами мехов, он убыстряется. Убыстряются и движения девушки. Мелькание обнаженных ног, рук, счастливого возбужденного запрокинутого назад лица, волны разметавшихся по плечам черных роскошных волос производит неотразимое и завораживающее действие на окружающих. Чувство трепетной радости и силы молодого разгоряченного тела передаются другим. Из темноты в мерцающий круг света вступают полуголые парни. Движенья их рук, ног резкие, энергичные, но ритмичные. Девушка, изгибаясь всем телом, скользит между парнями, не касаясь их. Те, разгоряченные ее неуловимой и притягательной близостью, еще энергичней и неистовей дергаются в такт ритма. Ритм убыстряется. Кто-то из парней в горячке танца задевает партнера, сбиваясь с ритма, и стремясь быстрее исправить оплошность, суетливо размахивает руками, выделявая ногами неестественные па. Неожиданно девушка, заливаясь звонким смехом, вскальзывает из круга и исчезает в темноте ночи. Только веселый, звонкий смех постепенно замирает в звуках барабана. Внезапное исчезновение девушки, суета неудачника сбивают и остальных с ритма. Звук барабана резко и внезапно прерывается. На мгновение устанавливается тишина, прерываемая чавканьями мехов. Затем раздаются все более громкие смешки, выкрики. Публика шумно и весело начинает покидать насиженные места, растворяясь в темноте ночи. Парни, еще какое-то время потоптавшись возле костра, исчезают в темноте ночи. Праздник заканчивается.

Такие праздники повторялись долго. Но однажды в стане появился Высокий.

Его рост, весь вид и одеяние были столь необычны, что буквально весь стан вылез из шатров и шалашей, в немом изумлении, с восхищением и страхом взирая, как пришелец степенно и мерно вышагивает прямо к шатру Хозяина. Хозяин стоял перед входом шатра неподвижно, напряженно. Настолько напряженно, что без труда можно было по его виду понять, какого усилия ему стоило презреть страх и сохранить достоинство при виде приближающейся громады нежданного гостя. На почтительном расстоянии от него сзади собралась густая толпа полуголых пацанов. И воцарившуюся напряженную тишину прерывают время от времени детские голоса из-за спины Высокого. Подходя к шатру, он остановился на приличном расстоянии от Хозяина и поднял руку. Жест был столь выразительный, что мало кто не понял в этом жесте добрых намерений гостя. Хозяин в ответ тоже поднял руку ладонью вверх и затем, отступив на шаг, слегка поклонившись, жестом этой же руки пригласил гостя войти в шатер. Высокий приглашение принял, но подойдя ближе к Хозяину на странном цокующем, но понятном языке, сказал, что он хотел бы войти в шатер вместе с тем, кто не так давно пришел и теперь живет среди людей его племени, и только с ним. Хозяин сразу понял о ком речь и жестом подозвал Чужака, стоявшего невдалеке в толпе. Поднял полог шатра. Первым в шатер, согнувшись в три погибели, втиснулся Высокий, за ним вошел Чужак. Хозяин опустил полог. И сразу толпа загудела. Страх ушел, распирающее любопытство о цели посещения столь необычного гостя породило массу версий, и каждый непременно желал тут же высказать свою догадку.

Напрасно Хозяин знаками призывал толпу утихнуть, прильнув ухом к шалашу. Судя по напряженному выражению его лица, ему мало чего удавалось услышать, а еще меньше понять. Наконец полог откинулся и показался Чужак. Тут же он обратился к Хозяину, сказав, чтобы тот распорядился покормить гостя, а также сегодня же собрать им двоим еды на несколько дней пути. Отправляются они в путь сразу же, как только гость поест и отдохнет.

Лицо Хозяина приняло деловой вид. Он тут же жестом подозвал своих слуг и передал им приказание Чужака. В стане воцарилась деловая суэта. Запахло жареным мясом, травами. И через некоторое время к шатру потянулись женщины племени с блюдами мяса, зелени, снеди и кувшинами.

Вначале Хозяин выхватывал подношения и с подобострастным видом нес их в шатер. После двух-трех ходок его рвение поубавилось, и он стал отправлять в шатер с подношениями слуг. Но трапеза длилась недолго. Очередной слуга, отправленный в шатер, быстро вернулся, неся обратно кувшин в одной руке и в другой миску со снедью. Хозяин смекнул, что Гость насытился, и велел все остальные подношения складывать на циновку у шатра.

К тому моменту, когда Чужак вновь появился у шатра, горка из подношений выросла приличная. Чужак появился в полном походном виде с перевязью через плечо, с неизменным бурдючком и длинным ножом в плетеных ножнах, притороченных к узкому кожаному поясу. Появился не один. Чуть поодаль, сзади шла жена. На руках сидела прелестная девочка, и рядом семенил, цепляясь за подол матери, голый курчавый смуглый мальчишка. Жена шла молча. Только слегка влажные глаза и напряженно-отчаянное выражение ее лица, выдавали то душевное волнение, которое вызвало внезапное известие от мужа, что он уходит вместе с Высоким надолго, если не навсегда.

Словно по сигналу, как только Чужак приблизился к шатру, откинулся полог шатра и чуть ли не на карачках выполз Высокий. Не без удовольствия распрямившись во весь свой гигантский рост, критически осмотрел одеяние Чужака, беглым, равнодушным взглядом окинул жену и детей, внимательно осмотрел подношения, сложенные сбоку шатра и, повернувшись к Хозяину, почти не раскрывая рта, странным чирикающим слогом сказал, что признателен за хороший прием, но пора прощаться и пусть все подношения несут вслед за ними. Хозяин, сияя от почтительного к нему отношения, тут же знаком подозвал слуг и распорядился во всем выполнять волю и приказания Высокого и Чужака. Процессия двинулась в путь. Впереди широким размашистым шагом шел Высокий, за ним полубегом семенил Чужак, замыкали

колонну четыре раба с ношами за спиной и на головах. Процессия двигалась к реке, которая виднелась вдаль, и через некоторое время скрылась за прибрежными кустами. Почти все люди стана, с интересом наблюдавшие за процессией стали расходиться. На окраине остались самые любопытные. И их терпение было вознаграждено необычным видом ладьи, вынырнувшей из зарослей кустарника на гладь реки. Собственно говоря, даже не вид ладьи, хотя никто из них отродясь не видал столь большой и необычной ладьи, а то, как быстро она скользила по водной глади. И совершенно было не понятно, что же ее двигало. Ни весел, ни шестов не было видно. Но она плыла, и плыла быстро, так что вскоре появившиеся на возгласы удивления зеваки, уже практически не могли ничего путного разглядеть, кроме быстро удалявшейся в сторону озера точки на водной глади реки. Впечатления от увиденного, дополненные совершенно невероятными рассказами рабов, вернувшихся от реки, настолько взбудоражили всех, что еще долго это событие было основным предметом разговоров. При этом событие обросло такими деталями и невероятными подробностями, что ими делились много – много времени, передавая слухи от стана к стану. И чем шире распространялись слухи, тем больше гордости самоуважения укреплялось в людях стана. Но больше всего посещением Высокого гордился Хозяин. Он наставительно и высокопарно объяснял и поданным, и всем остальным, что Высокий был высшим существом, небожителем, спустившимся на землю, благодетельствовавшим Хозяина и забравшим на небо Чужака за его ум и знания. И им был введен на дату события и узаконен на многие времена ритуал жертвоприношения и подношения мелкого скота. И Хозяин стал не просто самым богатым и влиятельным в стане, а отныне он стал великим Жрецом, стоящим между подданными и высшим существом.

Но не все сразу восприняли Хозяина в новом качестве. И больше всех воспротивилась такому превращению Мать. Она открыто саботировала все начинания и мероприятия Хозяина в попытках самоутвердиться в новом качестве и не только сама, но активно привлекала на свою сторону соплеменников, которые ее свято чтит и внимали всем ее словам. А таких было немало. Однако Хозяин оказался хитрее и изворотливее. Почувствовав, что его новое амплуа сходит на нет, он стал в своих проповедях не хаять и унижать Мать, а наоборот превозносить и обожествлять ее, вводя в свои ритуалы ее чуть ли не как равную самому божеству, благодетельствовавшего Хозяина. Мать была сражена таким подходом. И прошло совсем немного времени, когда ее сопротивление сошло на нет, и она стала живым артефактом в его проповедях и священнодействиях.

Влияние новоиспеченного Жреца росло медленно, но верно, и не только в стане, но и далеко за его пределами. Ритуалы жертвоприношения, да и другие праздники становились все более массовыми все более зрелищными, но и все более обременительными для самого Жреца. Потребовались помощники, и в немалом числе. Да и большой шатер Хозяина становился мал и тесен. И со временем на окраине стана уже возвышалось много строений и шатров исключительно для священников и для совершения обрядов.

Возможно, эти строения со временем и превратился бы во что-то более монументальное, но условия жизни становились все более трудными и суровыми.

2

Неведомо как, по какому наитию, но Мать накануне тех памятных дней, стала настойчиво, истерично призывать соплеменников немедленно покинуть берега озера и идти вверх, в горы. Кто-то со страхом вслушивался в ее пророчества о грядущих бедах, которое принесет вскоре озеро, другие пожимали плечами, отказываясь верить в эти угрозы и сниматься с обжитых и насиженных мест. Но когда в полночь стан был взбудоражен истеричными воплями Матери, указывавшей на странное сияние неба над цепью далеких полных гор, Хозяину стало не по себе, и он со свойственной ему решительностью распорядился всем сворачивать

шатры, собирать скарб, сгонять скот, забирать все, что только можно забрать и немедленно идти в горы. Более того, несмотря на ночь, он распорядился послать гонцов к соседям, чтобы они тоже внемли опасности и шли в горы.

Зрелище зловещего сияния, подкрепленное властными приказами Хозяина, возымело действие. Ночную тишину разорвала суматоха сборов, крики людей, рев и бляение перепуганного скота. К рассвету огромная разношерстная возбужденная толпа мужчин, женщин, плачущих детей, со скарбом, тюками, кувшинами на носилках, повозках, просто на спинах, впере­мешку с ревушим скотом в пыли и вони тянулась вверх вдоль реки к горам. К вечеру достигли того места, которое указала Мать. Там и стали обустраиваться на ночь с огромной надеждой, что весь этот переполох, поднятый Матью и Хозяином, окажется сущим бредом. Но ночь не выдалась спокойной. Еще с вечера затягивавшееся низкими тяжелыми тучами небо, разразилось такой грозой, таким ливнем, что казалось, что это не небо, а само озеро обрушилось им на головы. В довершение, спокойная река, вздыбилась, ревела, несла на себя черные огромные силуэты вывороченных деревьев, еще чего-то темного и ужасного. Ливень продолжался и днем. Лишь к утру следующего дня ливень несколько стих и в забрезжившем рассвете начинающего дня стало видно, как совсем недалеко от стоянки широкой свинцовой гладью раскинуло воды безбрежное озеро. Такого потопа никто из людей племени отродясь не видал. Этот вид бесконечной воды вселял такой ужас, что люди инстинктивно стали сбивать в кучу, к тому месту, где гордо и невозмутимо стояла Мать. Ее невозмутимость вселяла робкую надежду, что сия разбушевавшаяся стихия не поглотит и их.

Надежды оправдались. Ливень стих. Края озера, в который широким, бурным и грязным потоком вливалась река, не приближались. Люди, измученные усталостью, промокшие и продрогшие, стали разбредаться по широкому пологому откосу реки. Многие подались в ближайший лес, откуда самые прыткие тащили ветки, палки, сучья, короче все, что могло послужить основой строительства хоть какой-нибудь крыши над головой и будущих кострищ. Жизнь брала свое. Быт, хоть и убогий, быстро налаживался, так что вскоре уже мало что напоминало о великом переселении.

После потопа установилась жара. На небе на много дней не было ни облачка. Пропитанная влагой земля после потопа покрылась поначалу пышной растительностью, но жара и отсутствие дождей быстро превратили долину реки в желто-коричневую саванну. Река, еще недавно бешено катившая свои воды в озеро, буквально на глазах превращалась в тихую и безобидную, но все еще широкую речку, с широкими завалами валежника вдоль берегов, густыми пятнами повисших на прибрежных зарослях кустарников и ветвях уцелевших деревьев, валами полу­сгнивших водорослей, травы и другого мусора. Озеро, почти вплотную подступившее к стоянке, держалось в своих границах достаточно долго, неся со своих необъятных просторов ночную прохладу и свежесть. Но и оно под натиском многодневной жары стало отступать, оставляя на берегу плотную полосу гниющего мусора. В этой гниющей массе размножилось невероятное количество насекомых, которые еще хуже, чем запах гнили, отравляли быт. Но зато обилие насекомых привлекло массу птиц, живности и рыбы. С ловлей рыбы поначалу были большие проблемы. Все лодки, плотки, которые рыбаки использовали раньше при ловле, сгнули при потоке. Строить новые лодки было невероятно трудно не только из-за плохого доступа к открытой воде, да и просто голыми руками соорудить сколь-нибудь приличное плавучее средство было тяжело. Но потом, отступавшее озеро стало оставлять большие мелководные лагуны и озерца, в которых было много рыбы. Это изобилие еще больше привлекло птиц, в том числе и весьма крупных, и совсем нежеланных крокодилов. Да и других диких животных, как равно и хищников весьма прибавилось. Последние больше всего досаждали пастухам, и настолько, что даже, несмотря на обилие корма вокруг стана, они предпочитали гнать скот далеко в горы.

Вначале буйство растительной и животной жизни, хоть и доставляли много неудобств и неприятностей, но вполне уравнивались обилием питья и пищи. Беспокойство пришло

только с наступлением времени дождей. Собственно говоря, не приходом дождей, а почти их полным отсутствием в тот период года, когда с незапамятных времен начинали дуть холодные ветра, небо покрывалось тяжелыми тучами, и начинал лить, почти не переставая, несколько дней дождь. Если что и менялось при этом, так только время от времени его усиление до гроз и ливней. А теперь только иногда легкие облака, да изредка небольшой ночной дождь напоминали о прошлогодних ливнях. Да и еще, после времени дождей далекие вершины гор покрывались сияющей белизной. А теперь только иногда облака цеплялись за их вершины.

3

Несмотря на установившуюся сушь, воды озера отступали медленно. Да и река, хоть и обмелевшая, но продолжала широко катить свои воды в озеро. Но скоту уже стало мало корма в долине и приходилось гонять его далеко в горы, ближе к лесам. Такие прогоны по времени занимали все больше времени, все больше и больше опасностей и потерь при этом было. Так что перед племенем все острее становился вопрос: оставаться ли на равнине, в относительной близости к озеру, либо переселяться ближе к горам и пастбищам? Засуха, стубившая уже к следующему году урожай, окончательно поставила точку в колебаниях и племя, хоть и редко, стало сниматься с насиженных мест и продвигаться вдоль реки ближе к горам. Так что к тому времени, когда отступающая вода озера наконец-то обнажила место первоначальной стоянки, то пути к нему от стана было несколько дней. После Чужака в стане осталось много ножей и наконечников копий из металла. И Жрец однажды отважился отправить караван с изделиями из металла на восход, в далекие – далекие земли царей Нила. Затея удалась, когда после долгого отсутствия караван вернулся целым и невредимым с богатыми и диковинными дарами Царя Хуфу. И долго еще, очень долго люди племени рассказывали другу о невероятных впечатлениях и приключениях караванщиков.

Больше всего людей племени поразили полотна изо льна и мотки тонкой бечевки для плетения сетей. В племени, где почти вся одежда и утварь была из шерсти, кожи и грубых волокон тростника, льняные полотна были в диковинку и вызвали всеобщее восхищение.

Установившаяся сушь продолжалась, Озеро все дальше и дальше отступало, обнажая уже не заиленные земли, а песчаное и каменистое дно. Ветры со стороны озера не несли больше прохлады и свежести, а все чаще вначале поднимали тучи пыли от высохшей земли, затмевавшей солнце и небо, а затем и тучи мелкого песка, упорно покрывавшего тонким слоем долину реки. От бывшего изобилия пищи не осталось и следа. Выручали лишь стада скота, да скудные урожаи, которые, несмотря на суровые условия, все-таки удавалось выращивать. Иногда мужчины племени отправлялись в многодневные путешествия к озеру и почти всегда возвращались с корзинами вяленой рыбы. Рыба, к сожалению, из-за проблем с солью сильно отдавала душком. Но стараниями Матери все обходилось без последствий.

Вместе с уходом Чужака почти угасла выплавка металла. Попытку возродить ремесло сделал дед, который был неизменным подручным Чужака и в его походах за рудой, и в сооружении печей, и в последующей обработке слитков.

Долго дело шло плохо. То была не та руда, то черные камни подводили, никак не хотели ни спекаться, ни гореть, то печь разваливалась, так и не дойдя до слитков. Неудачи прикончили былые ритуалы розжига печи. Но дед был упорным.

Во время очередного вояжа в горы караван доставил странного вида руду, почти все камни были покрыты зелеными и голубыми пятнами. Многие из стана услышав о необычных камнях, потянулись к месту, где дед начал сооружать печь и с напряженным вниманием смотрели на его работу. Однако ничего отличного от уже много раз повторявшейся последовательности действий дед не совершал, разве что к черным камням, которых оставалось совсем немного, он добавил много сухих дров. Каково же было немое изумление, когда дед, долго

колдовавший у топящейся печи, в сгущающихся сумерках развалил еще не до конца остывшую печь и из ее нутра тугой тяжелой струей полился яркий металл с красным отливом. Расплавившийся по земле большой лужей металл быстро темнел и застывал, превращаясь в самую настоящую красную медь.

С медью племя было уже знакомо по тем предметам, которые время от времени доставлялись с берегов Нила, и эти предметы ценились высоко. Но такого ее количества, такого изобилия еще видеть не приходилось. Дед сиял от гордости и счастья.

Словно не веря свершившемуся чуду, некоторые из окружения пытались ткнуть палками в остывающий слиток. Концы палок от прикосновения к раскаленному металлу быстро обугливались и даже вспыхивали, приводя в неистовый восторг владельца палки. Толкотня и возня возле слитка продолжались далеко за полночь. Но так как слиток остывал медленно, в конце концов, все утомонились и разбрелись на ночлег.

Утро застало деда спящим у слитка. К слитку стали подтягиваться и зеваки. Наконец появился и сам Жрец с Матерью. Все притихли. Жрец обошел слиток. С опаской дотронулся до него, вначале отдернув руку, но тут-же опять приложив ее к слитку и растянувшись в блаженной улыбке, произнес:

– Теплый!

Мать не удержала своей горделивой позы и, нагнувшись, прикоснулась к слитку и тихо удивленно повторила:

– Да, теплый.

Тут все окружавшие толкаясь и торопясь было потянулись к слитку, но резко распрямившийся Жрец властным жестом пресек это праздное любопытство. Потрепав в знак поощрения деда за плечо, он распорядился нести слиток в свой шатер. Подсунув палки, человек пять или шесть с усилием подняли слиток и скорее поволокли, чем понесли его в шатер. За ними медленно и степенно вышагивал Жрец, и семенила Мать.

Так состоялось признание деда и его мастерства.

Окрыленный удачей дед вернулся к попыткам плавить железо. Но попытка возродить былые ритуалы быстро сошла на нет. Особенно после, казалось бы, успешной плавки, получался слиток, который никак не подавался ни ковке, ни обработке. ореол всеобщего восхищения после этого сильно потускнел. Убавилось и помощников. Но зато дед получил свободу в своих попытках выплавить что-либо путное. Прошло много времени, когда почти каждая плавка стала давать металл. Чаще всего это было медь. Но случалось выплавлять и железо, вполне пригодное дляковки. Так что через определенное время почти в каждом шатре, хижине были металлические ножи, наконечники копий, стрел, топоры. С этим оружием все чаще и чаще мужчины стана отправлялись на охоту в саванну к озеру.

Охота основательно улучшила жизнь в стане. Да и азарт мужчин сыграл не последнюю роль. Но и охота не только доставляла удовольствие. Редко какие либо походы в саванну не обходились без потерь и увечий. А потом прибавилось и еще одна беда. В саванне все чаще и чаще стали сталкиваться с другими откровенно враждебными группами охотников. Все чаще и чаще охота превращалась не столько в поиски зверья и дичи, сколько в отражении атак новоявленных охотников. Их было немало. Но выручало то, что кроме каменных топоров и копий с костяными и каменными наконечниками, другого оружия у них почти не было. Плохое оружие заменяло свирепость и отчаянная безрассудность. Так что стычки были достаточно кровавые. Приходилось отступать, унося раненных, иногда и тела убитых. Выручало в стычках и то, что если удавалось сразу ранить или убить самую отчаянную и свирепую рожу, возглавлявшую всю стаю, то воинственная прыть остальных стремительно убывала. Еще больший эффект производил корчащийся на земле и орущий от боли от попавшего копья вожак. Никто из нападавших даже и не пытался помочь бедолаге и, как правило, после недолгого замешательства стая, пятясь, отступала. Но если вожака достать не удавалось, то рукопашные схватки были жесто-

кими, и потери были большие. Тяжелые каменные топоры, дубины и костяные пики сильно уступали легким металлическим топорам, копьям с металлическими наконечниками и, главное, длинным ножам. Несмотря на тяжелые потери, противник дрался с таким упорством, что приходилось отступать, оставляя своих раненых и убитых. Постепенно в руках нападавших стало появляться наше оружие, которое они подбирали на полях таких кровавых стычек. И это становилось опасным. Охотничьи вылазки становились все более редкими и редкими.

4

Прошло много времени, когда однажды предрассветную тишину в стане разорвал истошный вопль пастуха, со всех лопаток бежавшего от реки к стану. Выскакивающие из шатров и хижин люди с тревогой смотрели на приближающуюся фигуру орущего, когда кто-то заметил в отдалении густую толпу преследователей. Звонкий, гортанный и властный призыв разом разметал мужчин по хижинам, и спустя мгновение они стали собираться вновь на окраине стана со всем оружием, которое только имели. Вперед выскочили и встали в нестройный ряд мужчины с луками. Толпа нападавших быстро приближалась. С их стороны послышались гортанные, низкие, полные злобы и решительности крики, в ответ по команде вскинулись луки. Натянуты тетивы, пущены стрелы, в рядах бегущей, ревущей толпы короткое замешательство от падающих тел. Но бег не замедлился. И вновь лучники уже каждый сам по себе посылает стрелу за стрелу.

Похоже, толпа нападающих редеет, но злобный ее бег не замедляется. Уже видны искаженные злобой и ненавистью рожи, с широко разинутыми в вопле ртами. Из-за спин лучников вылетают молодые тела с копьями в отведенных назад руках. Взмах, и веер копий, описав дугу, врежется в толпу. Явно не ожидавшая подобного толпа наступающих в замешательстве замедляет бег. Под властным окриком кого-то в толпе она смыкает свои поредевшие ряды, перейдя с бега на шаг. Нападавшие рядом. Отбросив луки, вооружившись топорами, ножами, копьями наперевес мужчины стана ринулись на противника. Глухие удары, мелькание мечей, тягостные стоны смертельно раненых заполнили на короткое время поле битвы. Мужчины племени дрались отчаянно, понимая, что эта свирепая масса никому пощады не даст.

Бой был короткий. Нападавшие разбиты, растерзанны, разметаны по полю боя. Немногочисленные живые, сначала пятась и отмахиваясь каменными топорами, поворачиваются, и что было духа, бросая топоры и дубинки, начинают удирать. Вслед им летят копья, кто-то пускает стрелы. Но противник так немногочислен, что редкие копья и стрелы достигают цели.

Победа! Полная!

Над полем боя повисает тишина, прерываемая тяжкими стонами раненых. Но радостные вопли, победные крики, смех наполняет все вокруг. Грудь победивших распирает от ощущения счастья жизни, свободы, облегчения от тяжелого боя. Кто-то обнимается, кто-то пытается плясать, спотыкаясь о тела убитых, кто-то, поскользнувшись, плюхается прямо в лужу крови, натекшую от убитых. Веселье быстро смолкает. Слишком много распростертых и скрюченных тел убитых и раненых покрывает все вокруг.

От стана бегут женщины. На краю стана густая цепь детей, стариков.

На лицах бегущих женщин тревога, надежда. Некоторые уже увидели своих мужей, братьев, сыновей, и слезы радости брызгают из глаз. Другие в тревоге пытаются разглядеть своих. Крики радости, смех прорывает отчаянный вопль молодой женщины, упавшей на колени перед распростертым телом. Вновь все стихает. Только женщины в ужасе и отчаянии, как тени, медленно обходят тела, переворачивая некоторых в надежде увидеть родное лицо в растерзанном теле. Время от времени воздух разрывает очередной тяжкий стон, громкий плач, иногда испуганные женские вскрики. Все больше и больше ищущих женщин припадает к телам родных.

Но вот одна из них, опустившись над распростертым телом, отчаянно машет и зовет. На ее зов бегут несколько воинов.

На руках девушки бледное, искаженное болью, лицо юноши с широко открытыми глазами, полными мольбы о помощи. Губы растрескавшиеся, сухие. Полуоткрытый рот жадно глотает воздух. Грудь толчками и с шумом вздымается. Правая рука судорожно сжимает рваную рану на боку. Из-под пальцев, запекшихся в крови, сочится свежая кровь. Рванув подол платья, девушка отрывает большой кусок материи и пытается перевязать раненого. Ей помогают. Другие из копий, ремней от сандалий делают носилки, взваливают на них раненого и полубегом направляются к стану. За ними, сверкая голыми бедрами, бежит девушка. Но вот еще и еще находятся раненые, и не все тяжелые. Некоторые поднимаются сами и, опираясь на плечи подруг, сестер ковыляют к стану.

У окраины стана, опираясь на посох, стоит сам Жрец. Рядом, в черном одеянии, согнувшись, стоит Мать. Сильно постаревшее ее лицо, в обрамлении седых волос, страдальчески напряженно. Губы плотно сжаты. Но при приближении носилок с раненым Мать преображается. Только суровая сосредоточенность и деловитость во всем теле. Подойдя к раненому, отодвигает уже ставшую мокрой от крови тряпку, осматривает рану и энергичным жестом велит нести его к себе в шатер, куда семенит и сама. За ними потянулись и другие.

Жрец, в сопровождении служек, деда, любопытных пацанов, робко следующих за ними, идут к полю боя. Солнце стоит высоко. Жара в самом разгаре. Ветра почти нет. От поля, покрытого сухой затоптанной травой, густо усеянного телами убитых, растерзанных тел идет тяжелый дух свежей крови, еще невыветрившегося пота невымытых человеческих тел. То тут, то там на поле сидят, стоят скорбные фигуры женщин у тел своих родных. Жрец медленно идет среди них. Иногда останавливается, приказывая перевернуть тело, застывшее в невероятной позе предсмертных судорог. Всматривается в мертвые лица, словно силясь узнать кого-то. Мальчишки с ужасом и любопытством боязливо идут стайкой сзади. Иногда нагибаются, и быстро подбирают какие-то предметы.

Жрец, обойдя поле, поворачивает обратно к стану. На край поля брани, словно вывалившиеся из знойной сини неба, с шумом один за другим садятся невесть откуда взявшиеся стервятники. Боязливо глядя на причитающих женщин, вороватыми прыжками подсакивают то к одному, то к другому телу, приступая к трапезе. Жрец, обернувшись, приказывает отогнать стервятников. Своих предать земле. Чужих оттащить на берег реки. Служки разбегаются по стану собирать людей для совершения обряда похорон.

В живой природе все, что связано с восстановлением, очищением всегда пропитано особым духом, особой аурой, охватывающей участников действия. И не только в мире людей. Кто не замечал, когда в потревоженном физическим воздействием муравейнике муравьи лихорадочно сумбурно мечутся. Но проходит короткое время, и вот уже в какой-то осмысленной, деловой суете исчезают все следы насилия. Среди людей также, все что связано с погребением совершается в особой атмосфере чувств, которые овладевают каждым вольным или невольным участником сего действия. Нет лишних слов, выкриков, стонов и плача. Все проникнуто пониманием и целенаправленностью. Так что поле брани быстро освобождается от своей кровавой ноши.

Жрец появляется на берегу реки. Тела убитых уложены длинным рядом на песчаном берегу. Жрец отдает короткое распоряжение. Мужчины рассыпаются. Кто к ближайшим деревьям, кто к зарослям тростника. Из всего, что может плавать связывают в плоты и плотики. По мере готовности на них стаскивают тела и, зайдя как можно дальше в воду, стаскивают вниз по течению. Вот и последний, совсем наскоро связанный плотик, перегружен телами так, что с него свисают руки, ноги. Да и сам плотик полузатоплен, но держится на плаву. Его пытаются вытолкнуть на течение. Но он сопротивляется. Течение подхватывает один край, Плотик разворачивается вокруг оси. Течение выталкивает его со своей стремнины. Плотик неожиданно

начинает медленно плыть вдоль реки обратно, словно не желая расставаться с провожающими. Неожиданно с близкого берега из прибрежных тростников показалась черная точка – голова змеи. Она ритмично моталась из стороны в сторону, в такт извивающемуся телу. Змея плыла быстро и вскоре достигла плотика. Скользя вдоль свисающей руки, быстро скрылась в груди тел. В тот же миг плотик вновь зацепился за струю течения, его стало разворачивать к середине реки и он, набирая скорость, поплыл вслед за удаляющимся и скрывающимся за изгибом реки скорбным караваном. Над удаляющейся процессией появились парящие в вышине большие птицы. Привлеченные то ли духом, то ли видом лежащих тел, они до самого горизонта сопровождали плоты, никак не решаясь опуститься на распростертые на них тела, кругами сопровождая траурную процессию.

Жрец, за ним и все остальные отправились назад, на дальнюю окраину стана, где на песчаном взгорье уже была вырыта широкая яма. Вдоль нее завернутые кто в полотна материи, кто в шкуры, кто просто в циновки лежали тела павших. Возле них стояли и сидели женщины и редкие мужчины. Время от времени кто-то наклонялся и пытался поправить на покойнике саванн.

Жрец медленно, тяжело опираясь на посох, прошел вдоль ряда покойников и встал. От окружающей толпы отделилась и встала рядом с ним согбенная фигурка Матери. Взмахом руки Жрец повелел начать обряд погребения.

В яму прыгнуло несколько мужчин, им сверху подавали тела, укутанные в шкуры-саванны. Они бережно их принимали и укладывали ровным рядом на дно ямы. Появились носильщики с тяжелыми корзинами песка и земли. Они подходили один за другим к краю могилы, и вывали свой груз прямо на тела лежащих. Постепенно тела стали скрываться в слоях песка и земли. Неожиданно сверху метнулась и прыгнула в яму совсем юная девушка. Она с громким воплем стала разгребать и отбрасывать в сторону комья земли от головы юноши, полуоткрывшейся из-под саванна после падения очередной порции земли. Все произошло неожиданно. В следующее мгновение скорбную тишину обряда разорвали плачь и причитания женщин. В яму прыгнуло несколько мужчин, они поправили край саванна и стали оттащить девушку. Та, рыдая, яростно отбивалась, пытаясь вернуться назад. С трудом мужчинам все-таки удалось вытащить ее из ямы и увести с церемонии. Обряд погребения продолжился. Только мелькание мужчин с корзинами ускорило. Вскоре на месте ямы возвышался основательных размеров холмик.

День заканчивался. Солнце быстро опускалось к горизонту. Но было достаточно светло, когда Жрец знаком повелел начать обряд жертвоприношения. На вершину холмика принесли несколько овец. Быстрыми, уверенными движениями опрокинули их и перерезали горло. Хлынувшую кровь собирали в большие глиняные чаши. Жрец, с трудом поднявшийся на вершину, взял первую чашу, высоко поднял ее над головой. Тот же час одна из женщин, стоявших внизу, тихо, словно испуганно, высоким голосом затянула печальную то ли песню, то ли причитание. Тут же этот тихий заунывный голосок подхватили другие, и вот над полем в закате тающего дня полилась печальная мелодия десятка женских голосов. Под это заунывное пение Жрец медленно тонкими струйками поливал из чаши свежую землю холмика. Опустошив чашу, опираясь на плечо служки, стал медленно спускаться с холма. Сразу же на холм потянулись мужчины с пучками сухого тростника, сучьев, валежника. Над тушами поверженных овец вырос целый холм сушняка. Расталкивая толпу, появился мужчина с большим дымящимся горшком, из которого время от времени выбивались язычки пламени. Мужчина подсунул горшок под валежник и, наклонившись, стал раздувать. Язычки пламени вырвались из нутра и заплясали на валежнике, разгораясь все больше и больше. Мужчина отпрянул и скатился вниз с погребального холма. Свет от полыхающего костра, быстро заполнил все вокруг, оттесняя густеющую темноту наступающей ночи. Треск горящих сучьев вплетается в высокие печальные голоса поющих женщин.

Понемногу ритуальный костер начинает догорать, стихает и заунывная песнь. К ночному запаху остывающей земли, поля все отчетливее примешивается дразнящий аромат свежеежаренного мяса, скатывающегося с погребального холма. На фоне затухающего костра, и густеющей темноты ночи все отчетливее проступает сияющее синью небо.

Из-за холмика выплывает красноватый край луны. Край быстро увеличивается и вот уже красноватый большой диск луны повисает над холмом. На ее фоне сполохи прогорающего костра да вертикальный столбик дыма создают потрясающую своей нереальностью картину. Все замирает в немом изумлении. Видение длиться недолго. Диск отрывается от холма и словно гонимый поднимающимся дымом костра плавно устремляется ввысь по небосводу. Призрачный лунный свет растворяет темноту ночи и заполняет все вокруг. В этом лунном печальном свете люди, переполненные и потрясенные событиями дня, не нарушая тишину ночи, как тени, одиноко и группками двигаются назад к стану, к своим жилищам.

5

На следующий день служки Жреца оповестили о приглашении в его шатер всех значимых людей стана. Позвали и деда. Войдя в шатер, дед в плохо освещенном пространстве шатра увидел Жреца, восседающего у противоположной стены на куче циновок и лохматых шкур. Стали подходить и другие. Без лишней суеты и расспросов рассаживаясь вдоль стен шатра. Одной из последних пришла Мать. Тихая как тень, согбенная, она быстро просеменила к дальней стене, там села и буквально растворилась в полутьме шатра.

Жрец, после прихода последнего из званых, еще некоторое время молчал, наклонив голову. Наконец глухим надтреснутым голосом не поднимая головы начал свою речь.

– Пршлым днем нас посетили незваные гости. Мы их достойно встретили. К моей печали, несмотря на достойную встречу и мужество моих людей, ко многим из них пришла печаль от расставания с близкими. Я долго ходил и смотрел в черные лица убиенных врагов наших и, наконец, вспомнил, как когда-то очень давно, еще до потопа, когда наше племя жило на берегу большого озера некоторые рыбаки приходили с дальних плаваний и рассказывали, что там, на другом берегу озера большая – большая долина. В ней много зверья и дичи. И в этой саване по ее окраинам в лесах и горах живут племена черных людей. Они совершенно дикие. Ничего, кроме охоты на зверей они не знают. Тем и живут. Но охота сурова. Она не всегда бывает удачной, и не всегда приносит пищу и одежду. Это сильно ожесточает людей. Поэтому все эти черные охотники злы и жестоки. А нередкое отсутствие пищи заставляет племена охотиться друг на друга ради пропитания. Поэтому встреча с этими племенами никогда не сулила ничего хорошего. На счастье эти племена жили далеко от нас, и нас разделяло озеро. И вот теперь они посетили нас. Мне уже несколько раз и наши охотники, и рыбаки, которые отправлялись к озеру, говорили о встрече и стычках с пришельцами. Но на нас они не нападали.

– Что же значит такое массовое нападение? – Спросил Жрец сам себя после некоторой паузы. Опять замолчал и медленно, расставляя каждое слово, продолжил.

– Только одно. Озеро отступает. И теперь наш берег доступен для этих дикарей. Я отправил этим дикарям вниз по реке подарок. Он, полагаю, остановит на время этот ужас. Но все равно придут другие. Засуха заставит. Зверья и дичи все меньше. Голод погонит их на нас. Я уверен, что всем нам придется искать лучшие места. Здесь становится и опасно, да и с пастбищами для скота все труднее. Но вопрос куда идти. В сторону озера отпадает. О полночной стороне больше всех знает наш кузнец, его караваны постоянно ходят туда за рудой.

– Что же ты нам о тех местах можешь сказать? – Обратился Жрец к деду.

Дед никак не ожидал такого вопроса, и некоторое время собирался с мыслями. Потом стал сбивчиво рассказывать.

– Так, там пусто! Ну, нет! Э-э-э! Как это сказать? Ну, конечно, не пусто. – Перебил сам себя.

– Но вот последний раз я чуть не потерял всех вьючных в караване. Два дня шли – ни травы, ни воды. Одни голые камни, да песок. Нет, когда то там, – он ткнул в ту сторону шатра, которая по его представлению выходила в сторону гор – были леса, ручьи, трава. Там было все хорошо. Но вот теперь. Вы видите, какая сушь. Все выгорело. И теперь там только сухие деревья. Жуть! Нет, туда нельзя! – Категорически выдохнул дед и умолк.

Воцарилась тишина.

Жрец поднял голову и обратился к одному из сидевших.

– Ну, а ты, Рувим, что скажешь? Ты же недавно побывал в стороне восходящего солнца там... Как его? Ну да, в стране царей реки Нил.

– Не царей, а ф-а-р-аонов! – Протяжно, и явно с чувством превосходства назидательно поправил сидевший, в которого ткнул Жрец.

Рувим, отличался от всех своим маленьким ростом и толщиной. Он был похож на бычий пузырь, который надувают и подкладывают под голову. Из этого бычьего пузыря торчали маленькие ноги и ручки, которые постоянно были в движении, и маленькая голова, вся в черных курчавых волосах. Среди этой растительности торчали большие уши, такой же большой клювообразный нос, да еще сверкали хитрые глазки. И как бычий пузырь он никак не мог усидеть на месте. Подскакивал от малейшего прикосновения, катался по шатру, и говорил, говорил. Уследить за этим водопадом слов было трудно, но он подкреплял свою речь такими выразительными жестами, такой мимикой, что смысл ее доходил и без слов.

– Представляете, как только караван перебрался за перевал и спустился с гор в долину, которой не было конца. Пошел дождь. Нет не дождь, ливень. С грозой, молниями. Такого ливня я не видел с потопа. Вся бескрайняя долина поросла такой высокой травой, что караван весь скрывался в ней, да и я ничего не мог разглядеть из-за нее вокруг. Да, да! Не смейтесь! Она такая, такая, что не только я, но никто из каравана не мог ничего разглядеть. Мы шли как в лесу. Одно только небо над головой, да птицы. Шли так несколько дней. На ночь останавливались у небольших речушек, которые нам то и дело попадались на пути. Да, и еще. В этой траве за ними постоянно кто-то шел. Все время было ощущение, что за нами следят. И только воины с копьями, сопровождавшие нас, давали надежду на то, что все обойдется.

– А ночью! А ночью – сопровождая свои слова жестом растопыренных рук – вокруг нас сплошной рык, визг, лай. Мы почти не спали, и от страха и ужаса чуть не лезли в костер. Но больше всего мы боялись за вьючных животных. Сгоняли в кучу, и всю ночь стояли вокруг.

При этих словах он выскочил на середину и выставил руки вперед, словно держа копьё и тыкая им во все стороны.

– И ты что ли стоял? – Недоверчиво спросил кто-то.

– И я! И я! – С вызовом бросил рассказчик. Потом уже тише добавил: – И я, иногда. Замолчал, насторожено обводя глазами присутствующих. Убедившись, что никто никак не реагирует, продолжил:

– Зато там было много зверья. Наша охота была всегда удачной. Мяса было, во! – При этих словах он широко развел руками.

– Целыми днями жарили его и все равно оставалось. Когда на другом краю долины мы встретились с живущим там племенем, то подарили им аж половину туши. И то правда, что от нее после целого дня пути стало не совсем хорошо пахнуть. Но люди племени были так рада, так рады, что сразу развели костер и стали ее жарить. Потом и нас угощали жареным мясом.

Помолчав, добавил:

– Больше дарить мяса никогда не буду. Да, вот еще. Люди того племени, когда увидели наши ножи, копья, сразу нас приняли за воинов с реки Нил, которых они очень боятся. И поэтому, увидев нас, попрыгали было по своим хижинам. Но потом разглядели, что мы дру-

гие. Вот только их язык нам был совершенно непонятен, и общались только жестами. Но отдохнули у них хорошо.

Прервав речь, было задумался, что-то вспоминая. Затем продолжил.

– До земли Та-уин было еще много дней пути.

И вдруг словно спохватившись, стал возбужденно бегать по шатру, приставая к сидящим:

– Знаете, кого встретил в земле Та-уин? Ну?! Знаете?

– Нет, ни за что не догадаетесь.

И встав посреди шатра, воздев кверху руки и закатив глаза, выдохнул:

– Чужака!

Это было действительно новость! Все в немом изумлении уставились на рассказчика. Даже досель каменное лицо Жреца обрело живой интерес.

– Я его увидел у фараона. Но совсем не узнал. Это он узнал нас.

– А как к царю то попал? – Спросил недоверчиво кто-то.

– Не к царю, а к фараону! Фа-ра-о-ну Хуфу! – Ответил наставительно и протяжно, и тут же продолжил.

– Да, конечно, мы не сразу попали к нему. Сначала пришли в большой – большой стан. Только там не такие шатры как у нас, а из глины, из камня. Вот!

Задумался, пытаясь подыскать сравнение.

– Ну, вот как пещеры в горах, но только на берегу огромной реки и гор нет. А есть еще большие, большие. – При этом он как можно выше воздел руки и стал бегать по кругу шатра – Ну, очень большие шатры все из камня, а внутри еще шатры, шатры. И внутри них темно, а чтобы было видно на полу в шатрах большие чаши и в них всегда горит огонь. Живут в тех шатрах самые знатные люди, и еще жрецы. Много жрецов. А народу в стане много – много. И еще вокруг стана поля, поля.

Опять задумался. Пытаясь найти слова такие, чтобы и остальные могли представить себе все то, что он видел, и что совершенно отличалось от их постоянного быта. Не найдя ничего подходящего махнул рукой и продолжил.

– Сначала нас окружила толпа людей. Потом подошли вооруженные копьями люди – стража. Они отобрали у нас копья, ножи, и повели сначала в один из таких каменных шатров, в котором жил какой-то знатный. Он о чем-то нас спрашивал, но ничего понять нельзя было. Потом появился какой-то человек и на наше удивление он вполне сносно говорил на нашем языке. И все переводил сановнику. Ночевали мы во дворе этого шатра, а утром нас повели к еще большему каменному шатру, в который принадлежал фараону. Но он был такой большой, что в нем жил не только фараон, но и много знатных людей. Нас ввели в большой зал, там было много жрецов и вельмож. Фараон сидел на таком большом, как мне сказали – троне. Это что-то похожее на то, на чем часто сидит наш Жрец перед людьми стана. Он что-то сказал нам. Мы ничего не поняли. Но тут-же вперед вышел один из самых важных, судя по его красной одежде, и на нашем языке передал приветствие от фараона и сказал, что имя фараону – Хнум-Хуфу, а для нас он просто Хуфу. Я тоже высказал приветствие и благодарность за прием. И еще много такого хвалебного, сейчас и не вспомню. Потом фараон нас отпустил, а на выходе из шатра нас догнал тот важный сановник, который все переводил для нас. И он спросил, узнаем ли мы его? Я конечно не узнавал. Тогда он сказал, что имя ему в нашем племени Чужак, что он прибыл в Та-уин много лет назад вместе с Высоким.

Рассказчик закатил глаза, развел руки и после недолгой паузы затараторил:

– Я так и обмер. Я, конечно, помнил Чужака. Кто же его не помнит? Но узнать в этом важном человеке Чужака совсем невозможно было. Так вот, остановились мы у Чужака. У него шатер поменьше, чем у фараона, но, тоже каменный и очень большой.

И еще. Там, у них недалеко от стана огромные – огромные дома, высотой до неба, настоящие горы. Они не достроены, как мне сказали. И вот одну из них достраивают строители.

Там после смерти похоронят фараона. А гора будет обиталищем другой сущности фараона. С этой горы сущность фараона, его «Ка», будет в солнечной ладье лететь к звездам, но иногда будет возвращаться к телу фараона. А гора строится такой большой, чтобы все подданные и их дети, и дети их детей видели величие фараона и после его смерти не могли посягнуть на его славу и богатство. А тела мертвых у них не сразу закапывают. Богатые, знатные отдают тела своих родных жрецам. Те с телами долго что-то делают, а потом возвращают, закутанные в материю. Родственники несколько дней прощаются с покойными, а потом хоронят. Но на праздник бога солнца Ра родственники приходят на могилы и празднуют праздник вместе с умершими. Самые знатные и богатые строят над захоронениями каменные шатры для «Ка» умерших. И родственники умерших приходят в эти шатры, где общаются а «Ка», Приносят подарки и жертвоприношения, чтобы «Ка» могущественных родственников охраняло своих чад в земной жизни. Хоронят сразу только рабов и бедных, и к ним никто не ходит.

Рассказчик опять забегал по шатру, подкрепляя чуть ли не каждое слово выразительными жестами.

– А строить обиталище второй сущности фараона, такое, какое еще не строили в Египте, и никогда не построят, фараона Хуфу уговорил Высокий. А чтобы построить такое обиталище еще при жизни фараона он предложил воспользоваться старой поминальной, которую строил один из давних предков фараона, но из-за того, что его во время охоты сожрал крокодил, поминальная осталась без «Ка». И вот теперь Чужой руководит строительством поминальной. А Высокий время от времени навещает его и объясняет, что и как делать. И еще, Высокий дал ему такие странные металлические короткие палки. Одна золотая и называется «солнечной», другая как серебро и называется «лунной». Когда Чужой берет их в руки и нажимает на какие-то бугорки на них, то из солнечной идет яркий, яркий луч, разрезающий даже камни. А когда нажимает на бугорок лунного, то самый тяжелый камень начинает светиться и приподнимается над землей. А когда Чужой направляет обе палки на камень, то тот через некоторое время приподнимается и начинает двигаться, даже без того, чтобы его кто-нибудь толкал. Но палки могут делать чудеса только в руках Чужака. Сколько я не пробовал оживить их, ничего не получалось.

– Но то, что мне показал Чужак на строительстве усыпальницы я не смогу пересказать! – На этих словах он сделал круглые глаза, откинулся назад и широко раскинул руки.

– Это усыпальница – огромная гора. И ее возводят люди. Много людей, очень много. Вот если собрать всех людей нашего племени со всех станов, то все равно там их больше. Живут они в маленьких каменных шатрах большим – большим станом, возле усыпальницы. А к усыпальнице от большой реки прорыта еще река. По ней приплывают большие лодки с другого берега. У этих лодок большой – большой нос, к носу привязано много – много циновок, да так, что ветер дует в них и толкает лодку. А если ветра нет, то рабы гребут огромными веслами. А на лодках несколько больших камней. Вот такие, с меня ростом и такие же в ширину. Когда я увидел, как приплыла лодка с такими камнями, то я никак не мог понять, как же эти люди управятся с такими огромными камнями. А они сделали так, завели лодку в такую узкую протоку с каменными берегами. Прикатили бревна, подтолкнули их под камни. Потом целая толпа зашла на лодку, обвязали камни толстыми веревками. Под весом людей лодка притонула и камни оказались на бревнах, и уже по бревнам люди за веревки стянули эти камни на берег. А на каменном берегу сделаны борозды, в них что-то налито и брошена трава, так что когда тянут за веревки камни, то бревна скользят по бороздам и камни ползут прямо к усыпальнице.

– А теперь угадайте, как они поднимали эти камни вверх? – Спросил рассказчик и вопрошительно обвел взглядом сидевших.

– Ха-ха! Совсем просто. Каждый день с восхода солнца и до заката почти все люди того стана надевали на спину корзины, в них насыпали песок, и с этим песком в корзинах они шли

по насыпи на самый верх. Наверху они ссыпали песок. Часть из них оставалась там работать, укладывать камни, остальные – тихонько хихикнув, выдохнул – спускались в корзинах!

Замолчав, ухмыляясь и торжествуя, обвел взглядом изумленные лица.

– Да, да в корзинах. Наверху они садились в большие корзины, к ним были привязаны толстые веревки, веревки перекинута через выступавшие наружу бревна. К другим концам веревок привязывали бревна, корзины с кувшинами с водой или даже корзины с песком. Корзины с людьми стлкаливали вниз, они опускались, а груз поднимался. А вот когда надо было поднять камни, то в корзины насыпали песок, другие концы веревок привязывались к камню, корзины стлкаливались вниз, в них еще прыгали люди, и камни начинали подниматься. Сначала на один уступ, потом на другой, и так до самого верха. А вниз от камней свисали еще веревки, за которые цеплялись люди и не давали камню наклониться. А вот как там, наверху камни ставились друг к другу, я не видел. Чужой говорил, что для этого он пользовался теми палками, о которых я вам говорил. И все у них так быстро получалось, что камни, привезенные на ладьях утром, уже к концу дня оказывались наверху. А ладей тех была не одна, а много. И приплывали они одна за другой. Почти до вечера.

Рассказчик замолчал, задумавшись, словно силясь что-то выделить еще важное из воспоминаний.

Кто-то, прервав тишину, воцарившуюся под впечатлением от услышанного, робко спросил:

– А Высокого ты видел?

– Да видел. Один раз. – Уточнил рассказчик.

– Он приплыл с другого берега на ладье и сразу пошел по насыпи наверх, к Чужому. Да, Высокий совсем не изменился с того времени, когда я его видел в нашем стане. В отличие от Чужого. О чем они говорили, я не знаю. Чужой никогда не хотел говорить о Высоком, сколько я не расспрашивал. Только один раз он как-то странно сказал, что усыпальница нужна Высокому, для общения со звездой, которую Чужой как то странно назвал, но я не запомнил.

При этих словах невозмутимое лицо Жреца оживилось.

– А показать эту звезду можешь?

– Могу. Чужой много раз показывал эту звезду.

– Хорошо. Стемнеет, покажешь.

И обратившись ко всем, сказал:

– То, что мы сегодня услышали не оставляет сомнений, куда идти. Надо послать людей во все станы племени рассказать обо всем, что здесь произошло и о нашем решении идти на восход. Спешить не надо. Тот урон, который нанесли врагам наши сыновья, они еще долго будут зализывать. Пусть пастухи и охотники сначала найдут место для нового стана, а потом мы все пойдем туда. Да помогут нам в этом трудном деле Высшие силы!

6

Решение, принятое Жрецом, мигом разлетелось по стану, но переполоха не вызвало. Напротив, было воспринято как совершенно необходимое. И со следующего дня началась неспешная, но неуклонная подготовка к дальней дороге. Прежде всего, занялись уборкой урожая. Вернее, всего того, что успело вырасти. Пригнали скот. Часть мелкого зарезали и стали готовить мясо для дальней дороги. Вовсю жарили, пекли, сушили и вялили. Понемногу чувство предстоящей дальней дороги овладевало всеми в стане.

И вот, наконец, Жрец велел собраться всем у жертвенника, для совершения обряда отправки первой группы на поиск нового места стоянки. Принесли и положили на жертвенник молодого ягненка. По знаку Жреца служка перерезал ему горло и хлынувшую кровь стал собирать в жертвенную чашу. Подошел Жрец, взял чашу, высоко поднял над головой и что-

то бормоча, стал поливать кровью жертвенник и пространство вокруг него. Принесли связки хвороста и сухого тростника и стали складывать на жертвенник. По знаку Жреца, один из служек с чашей с тлеющими углями подошел к жертвеннику, подсунул чашу под кучу и стал раздувать огонь. Усилий много не потребовалось. Пламя вырвалось из-под груды хвороста, весло взбежало на самый верх и запылало. От жертвенника потянуло вначале запахом паленой шерсти, затем и жареным, а потом и горелым мясом. Пока горел костер Жрец, воздев к небу руки, протяжно и заунывно причитал какую-то, только ему понятную молитву, и просил небо, звезды и Высшие силы благословить его народ на переселение, даровать на новом месте их защиту от засухи, бескормицы и напастей врагов.

Молодые юноши, вооруженные копьями, луками, ножами по знаку Жреца собрались в колонну и отправились в путь, за ними следом погнали небольшое стадо овец и ослов, навьюченных поклажей. Колонну замыкала вереница рабов с поклажами за спинами и на головах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.